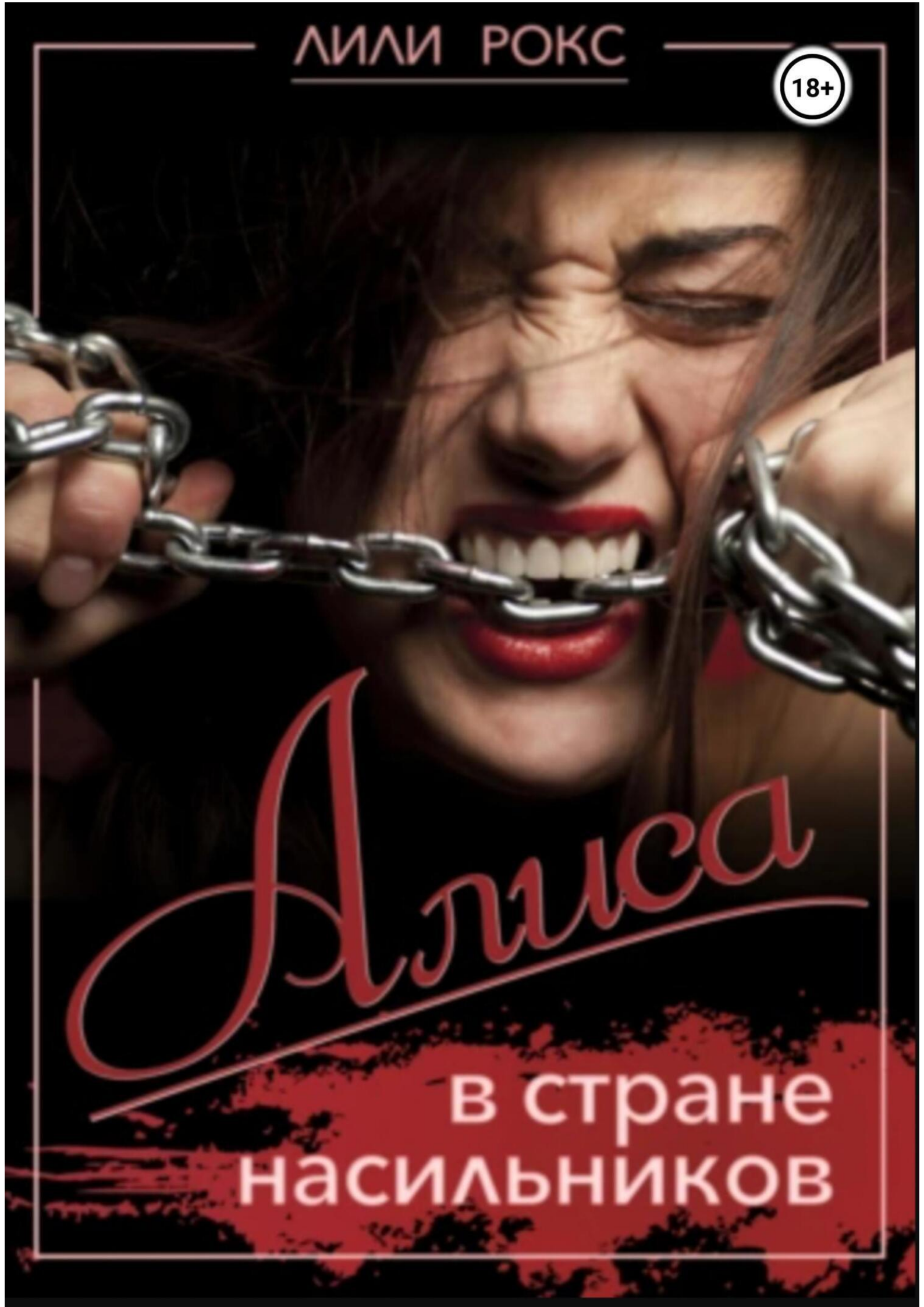

ЛИЛИ РОКС

18+

A close-up photograph of a woman's face, showing her eyes squeezed shut and a pained or desperate expression. A heavy metal chain is clamped in her mouth, between her teeth and red lips. Her hands are visible on either side, gripping the chain. The background is dark and out of focus.

Алиса

в стране
насильников

Лили Рокс

Алиса в стране насильников

«Автор»

2019

Рокс Л.

Алиса в стране насильников / Л. Рокс — «Автор», 2019

История несчастной девушки, которую принуждали к съемкам жесткого БДСМ, рассказанная ей самой. История надежд, любви, предательств, переживаний и разочарований с подробностями интимной жизни и съемок фильмов для взрослых. Все происходит в нашем реальном времени. История о том, как из девочек «создают» секс-рабынь. Она не имеет право отказывать мужчинам тайного общества, где ее вырастили, и всем наплевать, что она чувствует, когда ее тело используют для своих утех. Мужчины общины — властные и влиятельные извращенцы и сексуальные экспериментаторы. Алиса всё осознает и мечтает вырваться из ада, навязанного ей мужчинами.

© Рокс Л., 2019

© Автор, 2019

Содержание

Грязные секреты общины	6
Съемка пытки с муравьями	8
Стакан в промежности	11
Травмирующий опыт	14
Всегда практиковалась порка	16
Убежать от суеты	19
Будь послушной	21
Разожми зубы и губы	24
Сумасшедший дискомфорт	27
Мой озабоченный опекун	30
Не смогла отказать	33
Нужно потерпеть	36
Школа обаяния	39
Девственницы много чего умеют	41
Конец ознакомительного фрагмента.	42

Лили Рокс

Алиса в стране насильников

Внимание, предупреждение! Осторожно! Очень откровенные сцены и необычные сексуальные практики. Строго 18+

Книга содержит несколько очень жестоких моментов, интегрированных в сюжет. Присутствуют элементы домашнего насилия, принуждения, жесткого физического и морального отношения к героине. Описаны сцены секса, в том числе нетрадиционного, и БДСМ.

Все герои, участвующие в подробно описанных сексуальных сценах достигли совершеннолетия.

Грязные секреты общины

Момент моей смерти уже был предопределен. Я уже считалась "израсходованной", моя судьба была решена и ничто не могло изменить надвигающейся опасности.

Так получилось, что я стала невольной свидетельницей тайн и преступной деятельности нашей общины, знала многое, о чем нельзя говорить вслух.

Например, мне были известны маршруты «свободной торговли» наркотой и живым товаром, а еще из меня пытались сделать послушное зомби. Это был еще тот экспириенс...

Что-то пошло не так, я не поддавалась внушению и это раздражало руководителей общины. В итоге мне пришлось пройти не особо удачное программирование по проекту «Император». Одним из таких руководителей общины был мой муж, а я была его личной и законной рабыней. До тех пор, пока не приняли решение от меня избавиться.

Мой муж Борис привез меня в секретную лабораторию НАСО. Навстречу вышел мужчина средних лет в темно-сером в полоску костюме. Он казался похожим на гангстера из фильма «Крестный отец».

Муж, видимо, знал его достаточно хорошо. Он подошел к мужчине, указал на меня и сказал:

– Привет, Том. Вот, я привез ее, как договаривались. Мне очень интересно посмотреть, что вы с ней будете делать. И видео нужно снять для шефа по сценарию королевского Ящера.

– Это можно, – сказал Том. – У нас все готово, пойдете со мной.

Мы вошли в здание, прошли по коридору к оборудованному для медицинских процедур помещению. Мужчины оставили меня с молодой девушкой в белом халате. Она велела раздеться и ввела мне какой-то препарат.

– Сейчас мы пойдем в лабораторию. Пройдись там перед сотрудниками эротично, вот так, – сказала девушка и пошла, покачивая бедрами в завлекательно-вульгарной манере.

Я сразу переняла ее походку. Она могла бы не показывать, знаю, как ходить эротично, выпятив грудь и качая бедрами, чтобы произвести впечатление на окружающих. Нас обучали этому в Школе обаяния.

Мы прошли в лабораторию, похожую на зрительный зал. В центре находилась площадка, огороженная стеклом. На ней располагалось какое-то оборудование и гинекологическое кресло. Вокруг площадки, поднимаясь ступенями, находились ряды кресел. В креслах сидели мужчины в белых халатах. Их было человек десять. Они разговаривали с Борисом и Томом. При нашем появлении, мужские взоры устремились в мою сторону. Мужчины смотрели и улыбались наготы и эротичной походке, которой я шла, соблюдая указание девушки.

Я не стеснялась ходить голой и как обычно была готова ко всему. Только голова сильно кружилась, все плыло словно в тумане, я ничего не соображала. Видимо, мне ввели наркотик, который начал действовать.

Том подошел ко мне.

– Покажи себя, – велел он, указывая на кресло.

Я забралась, широко расставила ноги, которые закрепили фиксаторами.

Том подключил меня к компьютерному оборудованию. В верхнем углу застекленной площадки располагалась камера, снимавшая все происходящее.

Я знала, что Абрамян запросил видео с моим участием. От него зависело финансирование этой лаборатории.

Но прежде, Том решил сказать речь:

– Как вы знаете, мы ведем секретную работу для того, чтобы добиться контроля над человечеством, волей и памятью людей. Вот очередной «экспериментальный образец». Она прошла программирование проекта «Император», была в составе резерва, но в спецоперациях

ЦРУ не участвовала. Сейчас женщина находится под воздействием препарата "Спокойствие", который вызывает особое измененное состояние повышенной внушаемости и управляемости. Вот смотрите, я сейчас дам ей установку, и проведем эксперимент.

Том достал большую толстую красную свечу, зажег ее, наклонился ко мне и сказал:

– Алиса, ты не чувствуешь боли!

Боли я действительно почти не чувствовала, пока Том поливал меня расплавленным воском и прижигал свечой голое тело. Только когда он затушил свечу о мою промежность, я негромко вскрикнула.

Том прокомментировал сотрудникам:

– Я внедрил в ее подсознание и внушил установку на отсутствие боли. С помощью подобных установок мы можем программировать людей и делать с ними все, что захотим: манипулировать их поступками и убеждениями, заставлять выполнять любые наши приказания, можем полностью подчинить человека.

Том указал на меня и продолжил:

– Не стесняйтесь делать все что угодно с этой подопытной. Ей скоро тридцать, она все равно пойдет в расход, съемка уже согласована. Но сначала, прежде чем вы удовлетворите ваше любопытство, мы должны выполнить извращенный интеллектуальный запрос лидера их общины.

Я слышала что-то страшное про СНАФФ – это съемки реального убийства, – но мой мозг затуманен, никаких эмоций и мыслей.

Том повернулся к подошедшему помощнику и сказал:

– Ты будешь редактировать видеозапись, которая делается для Абрамяна, а я поработаю с ней.

Стеклянная пробирка с живой ящерицей была вставлена в мое влагалище. Камеру сфокусировали на моем интимном месте, ноги были раздвинуты как во время родов.

– А теперь рождение Ящера, зачатого от Абрамяна, – сказал Том, резко щелкнул резиновой перчаткой и сделал вид, что проводит гинекологический осмотр. На самом деле он открыл крышку пробирки, чтобы выпустить из нее ящерицу. Очень медленно, как-то заторможено, ящерица высунула голову из моего влагалища и выползла на металлический стол.

– Судя по всему, Абрамян сексуально одержим такими видео, – сказал Том. – Мы называем его за глаза «Королевское величество Ящер».

– Абрамян любит и демонстрацию струйного оргазма, – напомнил помощник Тома.

– Займись этим, – велел Том.

Как только наши глаза встретились, я узнала молодого помощника Тома, его умный пронзительный взгляд. Он уже работал здесь со мной раньше.

Молодой человек ввел два пальца во влагалище и вдруг произнес по-русски совсем тихо: «Бесконечные измерения». Я знаю, помню русский язык, я родилась в России.

Ах, это словосочетание, оно пронзило мне мозг! От него, казалось, произошел взрыв сине-белого света в голове, оно – как удар электрического тока! Это кодовое словосочетание, которое проникло в мой мозг и наполнило решимостью выполнить все, что мне скажут.

А мужчина шепчет на ухо едва слышно:

– Ты должна довериться мне и четко выполнить все. Сейчас ты попросишься в туалет. В правой кабинке возьмешь платье и сразу иди к окну. Там перед одной из створок стоит табуретка, встань на нее, распахни окно и быстро выскочи на улицу. Возле здания тебя ждет микроавтобус синего цвета. В нем мой человек. Садись в автобус. Он вывезет тебя за пределы охраняемой зоны и отвезет в безопасное место. Это твое спасение...!

Съемка пытки с муравьями

Девять месяцев спустя.

Санкт-Петербург, Россия.

Горыныч открыл дверь квартиры, впустил девушку и ее спутника, зашел сам, включил свет и сказал:

– Скромненько тут у нас для таких дорогих гостей.

– Ничего, до утра как-нибудь продержимся, – сказал высокий широкоплечий мужчина, лет тридцати, – давай перекусим с дороги и в спальню. Я по Алискиному телу соскучился. Покажем тебе настоящую любовь!

Девушка улыбнулась и ласково посмотрела в глаза спутника. Они прошли на кухню, Горыныч поставил чайник и стал делать бутерброды, украдкой поглядывая на девушку. Нравилась она ему! Стройная, голубоглазая пышногрудая блондинка почти всю тяжелую дорогу с юга в жигуленке молчала, не просила остановить машину или купить ей что-нибудь, не проявляла никакого недовольства, не упрекала за неудобство. Горыныч не любил болтливых и капризных женщин.

– Вовремя мы с Утриша свалили, – сказал он, открывая бутылку пива. – Там сейчас шмон. Надьку забрали. Чего она режиссера ножом пырнула?

– Дура! Больно было, не можешь терпеть, сказала бы Ачинцеву, съемку бы остановили.

– Так она его после съемки пырнула.

– Терпела, когда снимали. А потом дала волю эмоциям. Ачинцев сам виноват – нельзя так над девочками издеваться! Ишь, пытку придумал. К муравейнику их приволокли, шланги прозрачные во влагилица вставили и снимали крупным планом, как муравьи туда....

– Да, Саша, это жесть, – согласился Горыныч.

– Моя ничего, терпеливая, а Надька – дура, – сказал Саша и обратился к спутнице:

– Как у тебя там внутри – не болит?

– Все хорошо, милый.

– Ладно, посмотрим.

Они прошли в спальню.

– Ты не против того, чтобы Алиса под музыку разделась? – спросил Горыныча Саша. – Мне нравится, когда она голой танцует. Это так эротично! – Мы там у нас дома совсем без одежды ходим.

– Я люблю стриптиз! Жаль только, что музыки нет, – ответил Горыныч. – Да и поздно уже, соседи могут услышать.

– Ничего, я сейчас с телефона тихонько включу, – сказал Александр.

Он подобрал какую-то бальную мелодию, девушка распустила спадавшие чуть ниже плеч волосы, несколько раз энергично потрянула головой и стала медленно, прогибаясь и пританцовывая, освобождаться от платья. Лифчика на ней не было. Потихоньку стаскивая платье, она кружилась в танце, то выпячивая свою красивую грудь, то показывая попу.

Скинув платье, девушка села на шпагат, запустила руку в трусики, но тут же энергично вскочила на ноги, стащила свои трусики, немного покрутила их в руках и бросила в направлении Горыныча, сидевшего в кресле. Он увидел татуировку нежной розы у нее на лобке и возбудился еще больше.

Оставшись голой, девушка похлопала себя по ягодицам, раздвинула их руками, на носочках отошла к двери. Там опустилась на колени, прогнулась так, что зад оказался заметно выше головы, и пружинящими движениями, слегка сгибая и разгибая руки в локтях, поползла к Александру, ткнулась губами в ширинку его джинсов, затем высунула язык, потрясла им и,

улыбнувшись, несколько раз лизнула штаны Саши. Он расстегнул ширинку, освободил свой слегка эрегированный член.

Девушка вновь улыбнулась кончиками губ, приняла достоинство партнера в рот и стала ласкать его, стараясь довести до нужной кондиции.

Затем полностью проглотила уже возбужденный член мужчины, на несколько секунд прильнула лицом к лобку партнера и замерла. После чего отшатнулась, но не выпустила член полностью изо рта, а слегка пососала его головку, сделала несколько минетных движений, снова полностью приняла достоинство мужчины в свой рот и замерла на минуту, затем отдышалась и продолжила ласкать партнера.

– Не спеши, – скомандовал Саша.

Девушка повернулась к нему боком так, что было видно, как член уперся в ее губу. Александр легонько похлопал Алису по щеке, но затем отстранился от девушки и махнул ей рукой. Она развернулась, отползла на пару шагов, вновь прогнулась так, что стали хорошо видны ее половые органы, и стала дрыгать своими ягодицами.

– Классно! – прошептал Горыныч.

– Мы и не такое можем! – сказал Александр. – Стрейк на члене видел?

Горыныч даже не знал, что это такое.

А девушка сделала кружок на четвереньки по комнате, призывно виляя попой, затем опустилась на локти и подползла к любовнику.

На этот раз она расстегнула застёжки на его сандалиях и зубами стала аккуратно стаскивать с Александра носки.

– Хорошая девочка! – похвалил он.

– Ай лав ю! – покончив с носками, ответила Алиса. Она поцеловала сначала одну, потом другую ступню друга и язычком стала ласкать пальцы его ноги, облизывая их и запихивая влажный язык в ложбинки между пальцами.

– Соси! – скомандовал Саша.

Девушка взяла четыре пальцы ноги любовника в свой рот.

– Глубже, – велел он.

Алиса села на попу, пальцем руки оттянула себе щеку, втиснула в рот и большой палец ноги Александра, постаралась как можно глубже захватить ступню.

– Умничка, – похвалил Александр. – Выпрямись, дай поласкать тебя.

Девушка, не выпуская ступню изо рта, встала, расставила ноги на ширину плеч и прогнулась в направлении любовника. Он свободной ногой стал гладить ее по промежности и лобку.

– Кровать низкая, – сказал Александр, – неудобно тянуться.

Девушка опустилась, шире разведя ноги. Любовник ступней погладил ее по животу, затем надавил на одну грудь, другую, медленно провел от точки между грудей через пупок в самый низ живота. Алиса одной рукой по-прежнему придерживала ногу Александра у себя во рту, второй взяла пальцы его ноги и вставила себе во влагалище.

– Молодец, – опять похвалил Александр. – Знаешь, как я люблю.

Девушка сделала энергичное движение тазом, стараясь глубже вогнать пальцы любовника в тело. И вдруг вскрикнула, отстранилась. На лице ее отразилась гримаса боли.

– После пыток Ачинцева что-то не так? – спросил Александр. – Сильная боль?

– Терпимо, милый, – ответила девушка.

– Ты просто так кричать не будешь, – сказал Александр и вдруг обратился к Горынычу:

– Хочешь посмотреть, что у нее внутри?

– Это как? – задал глупый вопрос Горыныч.

– Ну, у меня есть приспособление. Заодно и генитальный осмотр проведем. Алисочка, принеси у меня там, в портфеле, сама знаешь что.

Голая девушка выскользнула в прихожую и скоро появилась с фонариком, каким-то тюбиком и прозрачным круглым стаканом в руках. Впрочем, Горыныч увидел, что стакан оказался без дна.

Александр освободил кровать. Девушка села на его место, повернулась в направлении Горыныча и широко раздвинула согнутые в коленях ноги. Саша опустился возле нее так, чтобы Горынычу было все видно, легонько постучал ладошкой по выбритому лобку подружки, затем провел пальцами по вагине, помассировал клитор девушки, подергал за губки и раздвинул их, показывая вход в лоно красавицы. После чего приподнялся, дал девушке облизать и пососать свои пальцы.

Горыныч наблюдал за любовниками в сладострастном ожидании продолжения. И оно последовало! Александр ввел пару пальцев Алисе во влагалище и стал делать интенсивные дрыгательные движения.

Девушка негромко застонала.

– Смотри, не наделай ему кровать, – улыбнулся Александр, – вытащил свои пальцы и опять дал их подружке облизать и пососать.

Затем взял стакан, смазал его край без дна гелем из тюбика и стал аккуратно вводить в тело девушки.

– Ай! – опять негромко вскрикнула она.

– Больно? – спросил Саша. – Может, болеутоляющее нужно.

– Нет, милый, все нормально. Терпимо.

Стакан в промежности

Саша вставил стакан почти полностью, велел подружке придерживать его пальцами, а сам посветил внутрь фонариком, внимательно осмотрел и сказал:

– Все нормально! Воспаления почти нет. Вот только здесь, в самом начале, след от укуса чуть-чуть остался. Сексом сегодня займемся? Больно не будет?

– Я потерплю, милый! – покорно ответила Алиса.

– Она любит трахаться, особенно со мной, – сказал Саша Горынычу. – Иди сюда, покажу что-то интересное. И ручку дай.

Горыныч подскочил к девушке и впился глазами в щелку выпяченного горкой в стакане маточного зева.

– Ну? Что уставился? – довольно спросил Александр. – Не видел еще такого?

– Я не гинеколог, – промямлил Горыныч.

– И я нет, – сказал Александр. – Но подружку свою люблю.

Он дал Алисе облизать указательный палец и вставил его через стакан ей в щелку зева. Покрутил там немного, вытащил и вновь дал облизать. После чего взял ручку и вогнал ее в маточный зев почти по крепежную скобу.

– Держи, – велел он девушке и вновь предложил Горынычу полюбоваться картиной.

Дрожащими руками возбужденный Горыныч достал свой смартфон и сделал несколько снимков.

– У тебя клизма в доме есть? – спросил Александр.

– А клизма тебе зачем? – поинтересовался Горыныч.

– Понимаешь, я люблю анальные игры. Чтобы не испачкаться, этим лучше заниматься после клизмы.

– А-а-а, – вождельно произнес Горыныч. – Не пользуемся мы клизмами.

– Ладно, тогда бутылку из-под пива давай. Она сама себе все сделает. Иди, Алисочка, готовься. Покажем человеку настоящий секс!

– Классная телка! – восторженно сказал Горыныч, когда девушка скрылась в ванной. – Мне б такую!

– А то! – сказал довольный Александр.

– Где ты ее нашел?

– Увел у мужа-садиста. Ее хотели грохнуть, а я спас.

– Так у нее муж есть?

– Ее в общине венчали. Не буду говорить, что за община, очень крупная. Алиса и до замужества воспитывалась так, что наивысшей добродетелью ей вбивали в голову стремление угодить мужчине. Потом, у так называемого мужа, была на правах секс-рабыни.

– Какая она сексуальная! Я таких еще не встречал.

– Она Школу обаяния прошла в Огайо. Там их послушанию и всяким эротическим штучкам обучали.

– Что за школа?

– Секретная. Девочек готовят для развлечения элиты и съемок в порно.

– Ты что, элита?

– Не, я до элиты еще не дорос. Алису туда по линии общины пристроили, еще до замужества.

– В порно она часто снимается? – опять спросил Горыныч.

– Раньше в Штатах снималась часто. Алиса – женщина красивая, спрос был. Сейчас в России только решили возобновить практику. Видишь, как получилось...

– Интересно было бы посмотреть сцены с ее участием!
– Ты же говорил, что порнушку не смотришь!
– На Алису бы взглянул с удовольствием.
– Я заметил, что ты возбуждился, когда наблюдал за нами, – улыбнулся Саша. – Так и снял бы штаны, мы эрегированных членов видели не мало.

– Не ревнуешь, когда смотришь порно с ее участием?
– Чего ревновать-то? – удивился Саша. – Наоборот, возбуждаюсь.
– Понимаю, к работе не ревнуют, – примирительно сказал Горыныч.
– А мы и свинг дома практиковали. Приятель мой – Скотт. У него телка – одна из самых известных порно-звезд. Рокси Рей зовут. Не слышал? Ах, да, ты ж не смотришь... Так мы иногда вместе встречаемся. Знал бы только, что с телками делаем! Соревнования всякие устраиваем, кто из них дальше из пистолета мячик выбросит, кто на дилдо лучше скачет или в тело себе больше теннисных шариков запихает. А на Рождество нарядили подружек круче елок. На соски и между ног цепочек с грузиками нацепили, тела присосками и прищепками с елочными шарами обильно разукрасили. А потом пользовали их в таком виде по очереди. Побили шаров немерено, зато весело было.

– Хорошо развлекаетесь, – мечтательно сказал Горыныч.
– У тебя бельевые прищепки есть? – спросил Александр.
– Надо у матери в ванной посмотреть. А зачем тебе?
– Понимаешь, я люблю трахаться, когда у Алиски на сосках прищепки болтаются, это меня возбуждает, – сказал Саша, вновь посмотрел на оттопыренные штаны Горыныча и спросил:

– Ты МЖМ практикуешь?
– Это как?
– Ну, когда девушка с двумя мужчинами.
– Нет, ты что! Я только один на один могу и без свидетелей.
– Ну и зря. Тогда я сначала с Алиской разряжусь и спать завалюсь, а ты можешь потом с ней пообщаться.

– Мы можем в той комнате! – обрадовался Горыныч. – У меня там кровать есть!
– Ладно, пойду, руки помою и Алиску потороплю, – сказал Александр и удалился.
Вскоре он вывел из ванной комнаты свою подружку. На красивой груди девушки торчали бельевые прищепки, прикрепленные к соскам. Виляющей походкой, соблазнительно покачивая бедрами, девушка неспешно прошла мимо пожиравшего ее глазами Горыныча, присела на кровать, вновь широко расставила ноги, но на этот раз не стала сгибать их в коленях, а вытянула, словно балерина в растяжке, и подняла высоко над головой.

Александр подошел к ней вплотную, стянул с себя джинсы с трусами. Девушка при этом покачала призывно ступнями ног и вытянула носки. Но Саша не сразу приступил к ласкам. Он вдруг вытащил из джинсов ремень и довольно сильно ударил им подружку по гениталиям.

Алиса вскрикнула негромко и сказала:
– Сенкью, сэр! Ай лав ю!
– Говори по-русски! Мы же в России, – сказал Александр и снова ударил ее ремнем.
– Ты чего? – спросил возбужденный Горыныч.
– Это для разогрева, – ответил Александр. – Она привычная. Дома я ей иногда помпу ставлю.

Александр протянул девушке руку. Она, не опуская вытянутых ног, вновь облизала пальцы любовника и взяла руку в рот.

Вытащив ладонь, Александр поднес ее к влагалищу подружки, сунул туда один палец, затем другой, но мастурбировать не стал. Он потихоньку стал вводить свою руку в тело Алисы. Она не возражала, лишь слегка стонала.

– Не больно? – поинтересовался Александр.

– Терпимо, милый, – ответила девушка привычной фразой и закрыла глаза.

Саша приложил усилие, и вся его ладонь оказалась в теле Алисы. Она негромко вскрикнула опять. Саша замер на пару секунд, затем еще немного продвинул руку в тело подруги и стал аккуратно вращать ее.

В этот момент, наблюдавший за всеми манипуляциями Горыныч, почувствовал, что кончает: его семя самопроизвольно выплескивалось наружу, пачкая трусы.

А ночь только начиналась!

Травмирующий опыт

Моя жизнь была настолько драматичной, что иногда я путаюсь в воспоминаниях, которые носят странный, обрывочный характер. Некоторые сцены я помню в деталях, очень хорошо, но иногда в поврежденной памяти всплывают лишь отдельные фрагменты.

Я родилась в России, в небольшом городке Малая Вишера, что под Новгородом. Родного отца помню смутно. По рассказам мамы, она вышла замуж по большой любви за красавца офицера. Но жизнь не задалась, отец потерял работу, сильно пил. В пьяном угаре бил маму. Жестоко, беспощадно. Она плакала, но долгое время терпела все унижения и побои.

Однажды, отец обвинил мать в измене, сломал ей нос и выгнал ее со мной на улицу. То детское обрывчатое воспоминание, до сих пор травмирует мою память.

Мы переехали в Сочи, где оказались в общине Ордена Просветленных.

Эта религиозная община следует философии, известной как "иллюминизм" или "просветление". Свое наименование Просветленные получили несколько сотен лет назад, их корни и история прослеживаются в древних тайных религиях Египта, Вавилона и даже Месопотамии. Из этих древних религий создатели современного Ордена Просветленных решили взять то, что они считали лучшим, и распространить свои принципы по всему миру.

В общине нас с мамой окружили заботой, предоставили жилье, а вскоре мама сошлась и стала жить с американцем, инструктором местного совета общины штата Пенсильвания. Мужчина находился у нас по обмену опытом. С ним мы переехали в США, где осели в небольшом городке под Питтсбургом.

Община оказалась очень крупной и хорошо организованной. В США имеются группы почти в каждом большом городе. И филиалы во многих странах. В том числе и в России.

Местные группы управляются верховным жрецом, который подчиняется руководителю более высокого уровня.

Мой отчим был инструктором местной общины, а я его подопытной, послушной девочкой.

Сейчас мне уже тридцать, отчим и мать давно мертвы, мне же удалось вырваться из общины, в настоящее время мы с моим спасителем скрываемся от преследования. Я прохожу реабилитацию и пишу эти воспоминания.

Мне было четыре года, когда мы покинули Россию и осели в США, где поселились в небольшом домике, типа бытовки, с двумя комнатками и малюсенькой кухонькой. Комнату побольше занимали мама и отчим, а мне выделили отдельную комнатку.

Обстановка оказалась спартанской: в моей комнатке находились лишь простенькая тумбочка и пружинная кровать с матрасом. Голый дощатый пол, вместо обоев стены у меня были завешаны плакатами в гамме цветов американского флага. Проповедник и верховный жрец нашего местного отделения общины, дядя Билл, лично помогал отчиму вешать плакаты.

В детстве я почти не общалась со сверстниками, редко выходила гулять. Меня воспитывал, прежде всего, отчим. Он был инструктором общины и обучал ее членов выполнению их работы, а также контролировал это выполнение. Мама же часто ездила в командировки и иногда отсутствовала по несколько дней.

Отчим меня постоянно чему-то учил. Сначала четко выговаривать слова на английском и правильно строить фразы, затем читать на этом языке. Мама одобряла его внимание и требовала, чтобы я беспрекословно слушалась отчима и дядю Билла, который часто заходил к нам.

С ранних лет мне внушали, что я избранная и однажды сделаю важные вещи для общины, нашей Борисы. В мою детскую головку, покрытую золотистыми кудряшками, вбивали мысль, что у меня важное предназначение – быть полезной культуре.

Впрочем, потом оказалось, что каждому члену общины говорят, будто он – особенный и избранный. Когда я подросла, стала относиться к этому очень спокойно. Всем нам годами внушали, что мы должны сделать что-то важное для Борисьи.

Отчим, которого я называла папой, и дядя Билл, были едины в методах моего воспитания. Они, похоже, знали, что я должна буду сделать для общины, кем и каким человеком стать. Я же не вполне понимала свою роль и "избранность", но прислушивалась к тому, что мне говорили.

"Ты должна оправдать наши надежды, быть послушной и трудолюбивой", – постоянно повторяли мне. И я старалась быть послушной, но часто вызвала недовольство отчима, порой, по надуманным поводам.

Однажды он на кухне поговорил с мамой, которая только приехала из командировки, и позвал меня в мою комнату.

Отчим вошел первым, вытащил из штанов узкий кожаный ремень черного цвета с блестящей металлической пряжкой, присел на кровать, довольно грубо подтянул меня к себе вплотную и сказал:

– Вот, доченька, этот ремень поможет мне воспитать из тебя достойного человека. Ты уже большая девочка и прекрасно знаешь, что за непослушание полагается наказание. Теперь мы не будем ставить тебя в угол или лишать сладкого. С сегодняшнего дня я буду тебя пороть.

Не помню, чем я провинилась тогда, вероятно, отчим нашел какой-то повод. Он продолжил свою речь:

– Этим ремнем когда-то наказывали меня, а теперь, настало твое время получать уроки послушания. Ты должна снять юбочку и трусики, лечь на живот. Под животик положим твою подушку. Если будешь кричать, я вставлю тебе в ротик кляп. Так что, лучше не кричи. Все поняла? Я ничего не понимала, но научилась слушаться и доверять отчиму, потому точно выполнила его указания. Легла животом на подушку и зажмурилась. Не помогло. Отчим размахнулся, и звезды посыпались из глаз.

Я закричала в истерике, а отчим закричал на меня, требуя тишины. Он не позволил мне встать, только после того, как ударил еще несколько раз, разрешил подняться и надеть трусики. Я бросилась в мамину комнату, но она не стала жалеть меня и ругать мужа, наоборот, велела мне замолчать. Тогда я поняла, что мама одобряет поступок отчима и порки могут продолжиться.

После экзекуции к нам зашел дядя Билл. Отчим со смехом рассказал ему о моем «боевом крещении» и истерике.

– Боль, она на пользу, – сказал мне Билл. – Через боль душа очищается от совершенных грехов. Чем больше страдаешь, тем лучше для души. А чистота души достигается неукоснительным следованием суровым нравственным принципам.

Я не поняла, почему порка способствует очищению души, и только спустя много времени осознала, что отчим и Билл просто кодировали мой ум, в соответствии с определенной методологией, которая подразумевала причинение боли, а также смешение реальности с фантазиями на темы сказок, особенно диснеевских историй и "Волшебника страны Оз". Часть моей личности с раннего детства готовили для проституции, остальная часть меня, действовала как "нормальная" для учебы в школе и обеспечивала прикрытие постоянного насилия, которому я подвергалась. Эта личность мечтала жить в мире, где люди не обижают друг друга.

Всегда практиковалась порка

В шестилетнем возрасте я пошла в школу, где выяснилось, что любая оценка ниже отличной – неприемлема для меня. Моих одноклассников хвалили за хорошие отметки, меня же пороли, лишали прогулок. А иногда и еды. Обычно отчим забирал меня со школы, он тащил за руку и всю дорогу бранил за четверку, как последнюю двоечницу. Учительница же, наоборот, была мной довольна.

Гулять с детишками после школы мне не разрешали, да я и сама росла скрытной и закомплексованной, наверное, поэтому меня не любили, не звали поиграть даже на переменах. Ровесники считали меня слегка ненормальной, никто не хотел со мной дружить. Когда отчим тащил меня из школы домой, одноклассники строили рожи и показывали язык.

Первое время я плакала и старалась поделиться своими печальками с мамой, но этим только раздражала ее. Она часто бранила меня за малейшее непослушание, любую нерасторопность, жаловалась отчиму на меня, а он уж точно знал, какое средство лучше всего воспитывает послушание.

Моя мать, Валентина Старикова, родилась в Борисье, где в течение многих поколений практиковали порки. Она спокойно к этому относилась и во всем поддерживала мужа. Кроме того, мать и сама подвергалась психологической обработке в нашей общине.

Физическое насилие стало для меня привычной, естественной частью домашней жизни. Отчим, похоже, получал удовольствие, наказывая меня.

Уже в то время, одна часть моего сознания, словно отделилась, чтобы принять на себя боль, в то время, как основная личность, старалась не помнить о насилии до того момента, пока я не видела ремень отчима.

В последствии моя психика окончательно разбилась условно на несколько отдельных личностей, чтобы справляться с многочисленными травмами и сексуальными надругательствами, которые я испытывала на протяжении всей своей жизни.

Мой отчим был ребенком, рожденным в секте от инцеста, в очень бедной и неблагополучной Борисье, физическое насилие являлось нормой и в его жизни.

Отец отчима был алкоголиком, а мать зарабатывала на жизнь проституцией. Брат и сестра отчима, так же подвергались насилию в Борисье, они выросли наркоманами, отчим с ними не общался.

После школы я делала уроки и домашние дела. С ранних лет меня приучили мыть посуду и полы. В отсутствие мамы я занималась чистотой, а когда она была дома, я помогала ей готовить, стирать, вязать или штопать отчиму носки и другую одежду. Он приходил обычно под вечер и старался найти повод, чтобы в очередной раз выпороть меня. За малейшую провинность или даже намек на провинность, он сурово порол меня и, только после этого, разрешал лечь спать.

Я с удовольствием отправлялась в свою комнату. Ведь самым лучшим временем, для меня, были минуты перед сном. Я ложилась и читала или мечтала. Мне нравилось быть одной, когда никто не видел и не наказывал меня. Я читала книги, которые рекомендовали в школе или приносил дядя Билл, но чаще мечтала.

Мои мечты подстраивались под плачевную действительность. И даже во время наказаний я нашла, чем отвлечь себя от боли, стыда и обиды. В тонкую полоску оконного стекла я разглядывала крышу соседнего здания и думала о том, что на крыше живет волшебник, более добрый, чем Карлсон из сказки. Он видит, как я страдаю, но в один из прекрасных дней прилетит и заберет меня в свой волшебный мир, где нет никаких наказаний и печали.

Как любому ребенку мне хотелось чудес. Особенно по праздникам. В России Новый год самый долгожданный и мистический детский праздник. У католиков – Рождество. Мы жили по католическим правилам и ждали чудес и подарков в этот день.

Для большинства детей Рождество – очень счастливый праздник с обязательной елкой, подарками и угощениями.

Пару раз отчим приносил нам елку, но вместо подарков, клал под нее ремень, чтобы даже в праздник напомнить мне о наказании.

Однажды на Рождество, я оказалась в доме дяди Билла. Там собрались дети из нашей общины, и был человек, называющий себя Санта Клаусом.

Он не походил на доброго Деда Мороза из моего раннего детства, был одет в белое одеяние с красным поясом, а в руке держал позолоченный скипетр.

Не помню уже по какому поводу Санта поднял скипетр, ударил им ребенка прямо перед всеми. И сказал:

– Я научу тебя послушанию! Ты больше не будешь требовать подарков!

Послушанию с ранних лет тренировали и меня. Не только ремнем. Как-то, еще до школы и экзекуций отчима, меня оставили одну в кладовке на целый день. С раннего утра до позднего вечера. Без еды и воды. Я не боялась одиночества, но через некоторое время, сильно захотела пить. Жажда становилась нестерпимой. В своей жизни я никогда раньше так не хотела пить. И стала кричать, просить воды.

В комнату вошел отчим. Он принес с собой бутылку с водой и начал пить ее у меня на глазах. Я сказала: "Папа! Я тоже хочу пить!". Но он шлепнул меня так, что я упала со стула и заплакала. Я плачу, а отчим выпил всю воду из бутылки передо мной и ушел!

Через несколько часов он вернулся и сделал то же самое. Я опять просила: "Папа, я хочу воды. Очень сильно!" Но отчим снова ударил меня.

На третий раз я сообразила, за что он меня бьет, только молча плакала и просто смотрела на него, ничего не прося.

Он встал, молча вышел с бутылкой, после чего в кладовку зашла мать и сказала: "На этот раз ты поступила правильно. Ничего не просила". И наконец-то, дала мне попить.

Как выяснилось потом, такое воспитание оказалась часть ступени обучения "ничего не хотеть". Оглядываясь назад, я понимаю, что меня тренировали не осознавать мои физиологические потребности и не реагировать на них.

Воспитанию дисциплины в нашей общине уделяли особое внимание. Этим занимались не только родители, но и специально обученные инструкторы на обязательных занятиях для детей. Такое воспитание можно называть "шагами мучений и надругательств", так как их цель – создание послушного, дисциплинированного ребенка, не имеющего связи с собственными чувствами, полностью и бездумно преданного культу.

Тренировки «ничего не хотеть» проводились моим отцом и другими инструкторами со всеми детьми общины. Нам говорили, что учат нас быть сильными, уметь обходиться без еды и воды длительное время. На самом же деле нас отучали удовлетворять свои естественные потребности и бояться просить у взрослых. Нас приучали думать и чувствовать так, как это нужно было нашим руководителям.

Всех детей нашей общины часто наказывали, иногда жестоко избивали, обучая послушанию. Но не хочу подробно рассказывать об этом...

А еще нам постоянно показывали мультфильмы и художественные фильмы. По утрам в субботу детей собирали в большой просмотровый зал. В присутствии инструкторов шла демонстрация мультлика или фильма. После чего инструктор просил подробно рассказать об увиденном. Иногда нам показывали сокращенную версию фильма, только часть его или всего лишь небольшой эпизод. И всегда требовали рассказать все, что мы запомнили.

Постоянно некоторых из нас оставляли после просмотра и подвергали наказанию, если ребенок не мог вспомнить те детали фильма, которые инструктор считал важными.

А наказание было жестким. Применялись побои и даже электрошокер. После экзекуции бедного ребенка опять заставляли смотреть сцены, которые были плохо усвоены.

Когда ребенок имел полное представление обо всех деталях фильма, инструктор говорил, что он, этот самый ребенок, является одним из персонажей просмотренного фильма. Поначалу, подобное удивляло и даже травмировало, тем более, инструктор подбирал фильмы, так или иначе связанные с идеологией общины.

Для нашего обучения использовали фильмы и видео Уолта Диснея, такие как "Фантазия", "Спящая Красавица", "Русалочка", "Золушка", "Красавица и чудовище". Показывали "Волшебник страны Оз". Позже стали появляться истории о Гарри Потере и "Звездные войны".

Конкретный фильм зависел от инструктора и ребенка, того, к какой роли в жизни его планировали готовить. Меня натаскивали на "Волшебнике страны Оз". Я так же неоднократно читала эту книгу.

Всех нас учили "скрытому смыслу" в фильме и хвали тех, кто быстро понимал этот смысл и ассоциировал себя с указанным персонажем.

Дети, прошедшие через такое программирование, весьма отстранены от внешней реальности. Они могут полагать, что являются частью сценария, ими легче манипулировать.

Дома со мной дополнительно занимался отчим. В соответствии с инструкциями, данными ему руководством общины, отчим обращаться со мной как с Золушкой из сказки. Я вычищала пепел из камина, таскала и складывала дрова, убирала опавшие листья и подметала у дома, мыла посуду и стирала.

Мама выполняла указания отчима и помогала ему манипулировать мной, хотя тогда я этого, естественно, не понимала.

В своих наивных детских попытках защититься от отчима я первое время обращалась к маме. Как-то раз я стала жаловаться ей на то, что он выпорол меня так сильно, что на попе больно сидеть. Она недовольно провела ногтем указательного пальца по коже моей щеки и сказала:

– Попа болит? Зато в голове порядок! Не смей жаловаться, иначе я добавлю тебе! Психологический стресс от ее слов окончательно убедил меня в том, что мать не станет защитить меня от насилия. Хорошо еще, что это насилие не было тогда сексуальным. Но в дальнейшем и сексуальное насилие прочно вошло в мою жизнь.

Убежать от суеты

Единственной моей детской отдушиной были книги. И частые поездки на природу. Мы всей Борисьей, втроем, выезжали к Белой реке. На высоких обрывистых берегах ставили большую Борисейную палатку. И жили в ней пару дней, наслаждаясь бурным течением реки и окружающей природой.

Иногда мы уезжали довольно далеко от дома и останавливались на небольшом острове, расположенном на Великих озерах.

Этот островок воспринимался мной как райский уголок. На нем не было автомобилей и других атрибутов цивилизации. Недалеко находился Ниагарский водопад, отчим отвозил нас и туда, где с моего разума "смывалась" дурные воспоминания.

В дополнение к обычным поездкам на реку Белая и Ниагарский водопад, моя Борисья иногда отправлялась в особые поездки, целью которых было "убежать от суеты".

Как-то раз отчим объявил, что мы собираемся в путешествие и посетим старомодный фестиваль празднования Дней красной фланели в небольшом городке в штате Мичиган. Мама велела взять в дорогу джинсы и мою католическую школьную форму, которую она постирала и погладила к этому случаю.

Та поездка воспринималась мной как праздник, как поощрение за успешную учебу, хотя, думаю, основной ее целью была доставка наркотиков на фестиваль.

Впрочем, родители не посвящали меня в свои дела. И про наркотики я узнала позднее.

Городишко тот был тихим местом, если не считать фестивальных мероприятий и парада, который возглавлял человек с жезлом, за ним ехали дети на велосипедах, фермеры на фургонах с сеном и яблоками, шли люди в красном фланелевом белье местной трикотажной фабрики. Среди всей этой суеты я услышала, как люди перешептываются: "Епископ едет!"

Вскоре подъехала бронированная машина, из нее вышел человек в папском одеянии. Не знаю, встречался ли с ним мой отчим, но после той поездки мне сказали, что я должна пройти посвящение в нашу общину. Это будет очень важная церемония, как бы регистрации, которая подготовит меня к будущему служению Ордену.

Дядя Билл забрал меня у родителей и отвез в незнакомый город. Там на окраине находилась территория, занимаемая филиалом нашей общины. На месте я увидела много небольших домиков, примерно таких же, как у нас в городке. А неподалеку был большой круглый ангар, служивший залом для церемоний.

Внутри ангара, у самого входа, стояла мумия. Мне сказали: "Это дух Отцов, который будет наблюдать за церемонией".

В ангаре присутствовали около двух десятков детей и несколько взрослых. В центре помещения стоял большой стол, сделанный, как мне показалось сначала, из темного стекла. Однако это оказался отполированный до сияющего блеска черный камень.

На столе лежал баран. Он вел себя очень спокойно, не двигался, только иногда моргал глазами. По углам стола были проложены каналы, собирающие жидкость. Над столом висела огромная золотая пентаграмма.

Я ощутила холодок по всей коже. Повернулась и увидела мужчину в пурпурной мантии, которого окружали люди. Стало понятно – это главный человек на церемонии. И действительно, он стал произносить речь:

– Орден Просветленных – ассоциация, оживленная для реализации двух принципов: равенство и правосудие. Все наши проявления основаны на этих двух исходных позициях, которые дают человечеству Свет.

Деятельность Ордена направлена на то, чтобы вместе с движущими силами общества привести в конечном итоге мир к Новому Порядку, независимому от идеологий и религий. Наш

союз основан на самых чистых моральных принципах, не забывая учения Великих Мастеров всех времен. Все Просвещенное сформировано так, чтобы предложить максимум себя, для всех. Его единственная цель вместе с Истиной воссоздание храма Природы.

Мир в его текущем состоянии нравственно несостоятелен и социально не приспособлен. В таких условиях могут процветать только голод, война и терроризм, потому что основные ценности были забыты. Мир нуждается в помощи. Неприемлемо, что люди начинают напоминать животных. Развращенные факторы этого мира должны быть разрушены.

Просвещенные могут изменить все. Наша цель – счастье всех, независимо от рас или религий. Процветание должно распространяться на каждого, и у каждого должен быть доступ к социальным и техническим достижениям.

Группы, которые работают для этого – центр Света; они генерируют Свет. Без развития бытие бессмысленно. Всю работу, совместно или индивидуально, мы можем сделать сами. Важна любая работа или научная деятельность в общественных обсуждениях, политике или экономике.

Мы доверяем Человечеству и его традиционным ценностям, таким как Борисья, характер и честь. Мы будем следовать поддержанию Света и нашей веры в победу Добра. Мы разовьем наш проект совершенного общества. Мы достигнем для этого одной высокой степени развития духовного и материального. Новый Мир зарождается. Новый Порядок будет установлен.

Проповедник сделал паузу и сказал:

– А сейчас, вы должны поклясться в верности Ордену.

При этих словах, помощник проповедника, человек в плаще с капюшоном, вытащил большой нож, подскочил к барашку и ...перерезал ему горло.

При этом произнес:

– Пожалуйста, примите жертву! Наша жертва закрепит церемонию.

Я любила животных и была напугана. Ужас сковал меня. Для доброй двенадцатилетней девочки убийство барана оказалось шоком: «Скорее бы все это закончилось», – подумала я.

А проповедник в пурпурной мантии вплотную подошел к столу, вытянул вперед руку, на среднем пальце которой был огромный золотой перстень. Собравшиеся по одному стали подходить к проповеднику, опускались на колени, целовали перстень и клялись в верности служить Новому Порядку до самой смерти.

Сначала подходили и клялись взрослые. Затем настал черед детей.

Кроме меня в ангаре присутствовали как девочки, так и мальчики примерно моего возраста. Все мы выходили вперед, целовали перстень и клялись в верности.

А потом пастырь сказал:

– Пусть страшная месть настигнет вас, если вы нарушите эту клятву!

Нам дали испить какой-то сладкий напиток из чаши согласия и вывели из ангара.

Церемонии закончилось. На улице меня ожидал дядя Билл. Он был доволен, но сказал, что мы вернемся домой через несколько дней, а прежде, мне нужно пройти процесс просветления, который в свое время прошла и моя мать.

Мы остановились у местного жителя. На следующее утро всех просветляющихся поделили по группам в соответствии с возрастом: взрослые с взрослыми, дети с детьми. Было несколько групп, у каждой – свой куратор.

Начались занятия по медитации с обязательным курсом дикш. Дикша – наложение рук куратора на голову посвящаемого для передачи так называемой «Божественной энергии». Все это сопровождалось просветительскими беседами о целях и задачах Ордена, о необходимости посвятить всю свою жизнь служению ему.

Будь послушной

По возвращении домой я узнала, что моя мама и отчим умерли. Даже сейчас я сижу и плачу, вспоминая то известие.

У меня не осталось ни одной фотографии мамы. Она не любила фотографироваться, хотя и была красавицей. Я помню естественный запах ее светлых коротких волос. Мама не пользовалась духами и косметикой. Наверное, она любила и жалела меня. Хотя и не показывала этого. Я помню, как она гладила меня по головке, ее руки были нежными, правда, с небольшими мозолями от работы на грядках.

Дома мама ходила босиком, ей нравилось танцевать. Отчим любил смотреть, как она танцует. И пела мама хорошо, но редко. И не смеялась почти никогда, лишь только улыбалась знакомым, как это принято в Америке.

Когда мама была свободна от командировок, она вставала утром первой, готовила нам с отчимом завтрак и собирала меня в школу. Так же, как и другие женщины, она ходила на проповеди и работала на благо общины, преимущественно выращивала овощи на полях, принадлежащих нашим руководителям.

И в командировки ее посылали часто. Мой бывший муж Борис как-то разоткровенничался и рассказал, что это были за командировки: маму использовали для перевозки наркотиков. В тот трагический день, когда я присутствовала на церемонии посвящения, у мамы в желудке разгерметизировался контейнер. А отчима убрали, как ненужного свидетеля.

Моя мать была хорошей женщиной. Только сектанткой. Потому, жизнь ее – оказалась не счастливой.

Я сейчас часто думаю, как сложились бы наши судьбы, если бы мы не попали в секту. Но поиск истинного Бога, а также отсутствие жилья, после того, как нас выгнал отец, поменяли направление нашей жизни, привели в общину.

В результате в двенадцатилетнем возрасте я осталась совсем одна. И долго не могла поверить, что мамы больше нет. Она снилась мне иногда по ночам, я все время ждала ее, мне все время казалось, что вот-вот откроется дверь, и в комнату войдет, как ни в чем не бывало, мама. Я простила и почти забыла все обиды, нанесенные ее воспитанием. Дом опустел. И даже отсутствие пороков не радовало меня.

Моим официальным опекуном стал дядя Билл. Он видел, как я переживаю, и утешал:

– Отмучились они. Бог призвал. Сократил их земное наказание. Ты должна радоваться, а не печалиться по этому поводу. Ведь все мы пребываем в круге постоянных рождений и смертей, воплощаясь вновь через какое-то время после своей физической смерти. Физическое тело необходимо лишь временно. Для перехода в высшие, тонкие миры мы должны освободиться от физического тела. Душа проходит через смерть и рождается заново в высшем мире, недоступном физическим телам.

Я слушала жреца, утирая слезы, а он продолжал вещать:

– Мы должны страдать и очищаться в жизни потому, что на Земле мы в тюрьме. И должны пройти свой жизненный путь достойно, чтобы заслужить искупление за грехи прошлых жизней. Только чистые праведные души выходят из круга перевоплощений, поднимаясь все выше и выше в духовные миры.

Видя, что я не совсем понимаю, о чем идет речь, Билл пояснил:

– Душа наша после смерти пребывает в других мирах, где готовится к новому рождению. Высокодуховные души могут воплощаться через большие промежутки времени или уходить в нирвану. А земные наши страдания предопределены через инкарнацию. То, чем человек был в момент смерти, как он прожил свою жизнь, неизбежно повлияет на то, чем он станет после нового своего рождения.

Находясь в состоянии измененного сознания, люди сообщают массу деталей из своих прежних жизней, о которых не могли знать окружающие. Нередки случаи, когда человек во время транса начинает говорить на языке или диалекте, которым совершенно не владел в нынешнем его воплощении.

– Будь послушной и совершенной, – продолжал проповедовать дядя Билл, – нравственное совершенство предусматривает отказ от материальных благ, привязанностей к материальному миру. Все в этом мире дано нам лишь во временное пользование, тогда как духовные ценности вечны. Цель каждого из нас – сделать мир лучше. Через исполнение угодной Богу работы. Мы подберем тебе работу в соответствии с твоим предназначением. Ты посвятишь себя служению Господу, через служение нашему Ордену. Меня часто посещают пророческие видения, в состоянии транса я общался со Святым Духом. И знаю, как достичь нирваны, а потому помогу тебе в этом. Во всем положишься на меня и четко выполняй все мои указания.

Я слушала Билла и верила ему. Мне некому больше было верить. У меня не было друзей и близких мне людей. Я училась в школе, старалась быть скромной и не привлекать к себе внимание яркой внешностью или необычным поведением. Хотя уже в то время была высокой симпатичной девочкой.

Дядя Билл переселил меня в хозяйственную пристройку при гараже, возле его роскошного, по моим понятиям, дома. Там мне выделили небольшую спальню, где я находилась после школы или работы на приусадебном участке Билла.

Дополнительно к учебе в школе, по выходным, у нас были военные занятия в общине. Все дети нашей общины знали, как разобрать автомат, собрать его и точно стрелять.

Я думала, что все дети Земли должны это знать и уметь. По существу, наша община имела военную ориентацию. Я приходила в специально отведенную комнату, где находились корзины с одеждой. Вместе со мной занимались как дети, так и взрослые. Мы переодевались, снимали свою одежду и надевали униформу. Для детей была предусмотрена специальная миниатюрная военная униформа.

Затем все выходили на плац, начинались военные упражнения. Мы маршировали и обучались воинским искусствам.

Со мной занимались дети разных возрастов. Преимущественно мальчишки, но было немало и девочек. Много времени уделялось умению держать в строю прямую линию. Скидок на возраст и пол не делалось. Командиры даже детей обучали жесткими способами. Нас наказывали ударами электрошокера или дубинок, если мы выбивались из строя.

У взрослых были свои тренировки, они имели звания, бейджики и знаки отличия, указывающие на уровень их достижений в культовой и военной иерархии. Но и детей награждали знаками отличия за хорошее обучение, например, за успешное преодоление полосы препятствий.

В любую погоду мы бегали на большие расстояния, которые увеличивались по мере нашего взросления. Нас учили ползать по-пластунски, обращаться со всеми видами огнестрельного оружия, стрелять из него под пристальным наблюдением взрослых. Сначала нашими мишенями были силуэты быков, но затем их заменили силуэты людей, аналогичные тем, что используются в полиции.

В групповых теоретических занятиях нам показывали жестокие фильмы о войне. А инструктор спрашивал, какие ошибки сделали люди, которые были убиты.

– Быть убитым – слабость, быть убийцей – сила, – утверждал инструктор.

Короче говоря, Орден создавал микромодель реальной военной подготовки для детей и молодежи. Были смоделированы даже нацистские концентрационные лагеря с охранниками и заключенными. В охранники обычно ставили детей постарше, тех, кто хорошо показал себя в обучении. Заключенными назначали детей помладше или тех, кто был наказан за неудачи на

маневрах. Такое разделение служило сильным стимулом в обучении: стать караульным, а не узником. Заключенных держали взаперти, избивали, пинали и подвергали насмешкам.

Иногда проводились игры с охотой и отслеживанием заключенных. Я попала в заключенные и участвовала в одной такой игре в виде жертвы. Перед началом игры мне сделали какой-то укол. Я заснула, а когда проснулась, обнаружила, что лежу голая на столе, служившем нарами для «заключенных». Руки и ноги были связаны.

Кто-то из взрослых, изображавших охранника, сказал, что я должна бежать и прятаться на огороженном лесном участке, возле плаца. Меня будут искать и, если поймают, жестоко накажут.

Мне разрисовали спину желтыми полосами под цвет тюремной робы, развязали только ноги, сказали, что руки развязывать не будут, а затем отпустили голой в лес. Я побежала со связанными руками в направлении ближайшей возвышенности. Там был более густой лес. В чаще я пыталась укрыться в какой-то яме, но нормально спрятаться мне не удалось, вскоре раздался собачий лай и голоса. Надежда на спасение была потеряна. Меня быстро выследили и подвергли наказанию.

Как я понимаю сейчас, та тренировка являлась репетицией "Самой опасной игры" – охоты на людей, которой меня подвергли спустя пятнадцать лет, когда я была запрограммированной секс-рабыней. Тренировка использовалась и для воздействия на меня и других детей с целью усиления представления о том, что "негде спрятаться", а также для травмирования в качестве подготовки к последующему программированию.

В таких тренировках молодежь обучают не жалеть тех, кто слабее и чувствовать свое превосходство.

Меня выслеживали две группы «охранников». Первой пришла группа во главе с подростком постарше. Они получили поощрение.

А меня привели в комнату, где был инструктор, ребята из нашей общины и еще одна голая девочка, примерно такого же возраста, как и я.

Мои бледные щеки полыхали всеми оттенками красного от беспомощности и стыда, из-за того, что приходилось стоять голой и готовиться к неминуемой расправе.

Инструктор сильно избил меня на глазах у всех, синяки от ударов покрыли все тело. А затем меня заставили ударить девочку. Сначала я отказалась. Инструктор вновь сильно стукнул меня кулаком и сказал, что отказ жестоко карается, меня будут бить дальше, если я не накажу девочку за нерасторопность.

И действительно, меня продолжали жестоко избивать до тех пор, пока я, наконец, не сломалась и не ударила бедного ребенка.

Такая практика используется для того, чтобы вызвать у детей изменения в психике в сторону преступной агрессии. По мере взросления, задания и наказания становятся все более и более жестокими. Детей приучают спокойно относиться к насилию и применять "практику наказания" к тем, кто младше. Такое поведение закрепляется в общине, как норма.

Разожми зубы и губы

И все же, в военных играх, я была в числе отстающих. Вскоре после моего боевого крещения, в детской охоте на заключенных, дядя Билл позвал меня к себе в спальню и сказал, что военное дело – не для меня, в жизни мне найдут занятие по способностям. Мол, мое жизненное предназначение – дарить мужчинам тепло.

Дядя Билл сказал, что мое тело – канал связи между ним и Богом и велел мне раздеться. Я не поняла, о чем толкует жрец нашей общины, но была послушной девочкой, сняла одежду и осталась стоять в одной застиранной майке, нижний край которой доходил мне почти до колен.

Билл приказал скинуть и майку. Я подчинилась, наготы я не сильно стеснялась, но сейчас, прикрыла одной рукой формирующуюся и уже весьма заметную грудь, а другой – свое самое сокровенное место. И чувствовала себя униженно, почти так же, как и во время моей поимки в игре, когда стояла голой перед инструктором и ребятами.

Билл с улыбкой сказал:

– Ох, какие мы стесняшки! Сделай руки «по швам».

Мне не нужно было повторять дважды. При ужасающем тоне его голоса, руки сами непроизвольно опустились. Я не могла препятствовать воли опекуна, тому, что он требует от меня.

Билл внимательным оценивающим взглядом осмотрел меня, велел повернуться, показать ягодицы.

– Хороша! – сказал он. – Подрастешь, формы будут еще более привлекательными и объемными. Но для твоего возраста, очень даже хорошо.

Неожиданно, его холодная рука с силой смяла мою правую грудь, чуть не лишив меня сознания. Но я с огромным трудом вытерпела. Ибо была приучена не возмущаться и не возражать против любых действий взрослых.

Еще несколько секунд дядя Билл пожирал меня безумным взглядом, пристально изучая каждый сантиметр тела, периодически надавливая пальцем на отвердевший сосок, а затем вдруг велел:

– Пойди в ванную, хорошенько умойся, да рот прополощи.

Когда я вернулась, Билл открыл бутылку вина, налил в две рюмки, одну протянул мне.

– Я не пью алкоголь, – неуверенно напомнила я.

– Это кагор. Его даже маленьким детям дают, – сказал жрец и начал расстегивать ширинку, – выпей и будь смелее.

Я вновь не посмела послушаться, а Билл снял штаны:

– Смотри, как надувается мой стержень! Потрогай, поцелуй его. Смелее! Я сказал – смелее. Все этим занимаются! Я покажу тебе сейчас, как происходит обмен энергиями между людьми.

Он велел мне встать на колени. Голова кружилась, я не понимала, что происходит, но ладошкой все же, послушно обхватила его член и прикоснулась губами в легком поцелуе. Неприятный солоноватый вкус проник сквозь губы, я закашлялась, подавляя рвотный рефлекс. Билл дал мне возможность отдышаться, взял свой член в руку, провел им по моему подбородку, сжатым губам.

– Разожми губы и зубы, – велел попечитель и, не обращая внимания на мои немые протесты, раздвинул мне рот большим и указательным пальцами.

Я не сопротивлялась, вероятно, вид его члена, его намерения, не осознаваемые моим детским умом, но отложившиеся где-то в генетической памяти, парализовали мою волю.

А он ввел член мне в рот. Тот уперся в правую щеку, растягивая ее и причиняя боль. Билл похлопал по щеке ладонью и вытащил член, давая мне отдышаться.

Слюни потекли у меня по подбородку. Но Билл не обращал на это внимание. Он обхватил мою голову руками и...

Не буду описывать весь процесс. Впрочем, Билл по сравнению с другими педофилами, в тот раз обошелся со мной сравнительно гуманно, не лишил девственности.

Помню, как я начала задыхаться. Едкая, жгучая жидкость заполонила ноздри, разъедая все во рту, вырываясь из моего горла и расплескиваясь брызгами по полу.

– Хотел посмотреть, насколько глубокое у тебя горло и сколько лжи может в нем поместиться. Вижу, много. А тебе нужно учиться подавлять рвотные позывы, – сказал Билл и повторил свою попытку.

Я думала, сердце остановится, сознание потеряю от страха и отвращения. Думала, захлебнусь...

Когда он закончил и вытащил свое достоинство, то вытер его об мои волосы, натянул штаны и вдруг обвил мою шею рукой, нежно поцеловал в лобик и ласково сказал:

– Понимаю, что ты еще девочка, но я ведь люблю тебя!

Билл задумался на несколько секунд и продолжил:

– Запомни, милая, Господь одобряет это. А я есть связующее звено между тобой и Господом. Сопrotивляться мне – бессмысленно. Ты должна подчиняться, раз Господь отдал тебя в мои руки. Я даю тебе заботу, в которой ты нуждаешься, а ты обязана быть полностью лояльна ко мне. И держи рот на замке, чтобы ни одна из подробностей нашего общения никому и никогда не стала бы известна. Пусть только Бог будет знать о наших секретах.

Как же плохо я себя чувствовала после такого общения! Я ощущала себя грязной и использованной. Очень долго мылась в душе, тщательно полоскала рот и оттирала те места, к которым прикасался Билл.

После душа надела запасной комплект чистого белья и долго плакала в кровати. Я убеждала себя, что все уже сделано и ничего не изменить. И хотела навсегда забыть то, что вытворял попечитель. Даже просила об этом небесного Бога.

По детской наивности я надеялась, что такое больше никогда не повторится. Но все повторилось потом еще в более извращенной форме.

Я продолжала учиться в той же школе. Как-то раз наш скаутский отряд участвовал в параде на День Благоговения. На параде присутствовал мой попечитель дядя Билл, а также руководитель нашей общины Джордж Абрамян. Сразу после парада Билл позвал меня и сказал, что "сегодня особенный день", потому что я увижу дядю Джорджа. Попечитель взял меня за руку, заговорил на языке "Алисы в Стране чудес":

– Давай пойдем к новому приключению вместе, – и повел меня, притихшую и оторопевшую, за собой.

Мы пришли в лучшую гостиницу нашего города. Дядя Билл велел мне молчать в присутствии господина Джорджа, только коротко отвечать на вопросы и улыбаться ему.

Мы поднялись на верхний этаж и вошли в шикарный номер люкс, из него открывался панорамный вид на наш городок. Джордж уже был в номере, он сидел в кресле возле полированного деревянного стола. Джордж встал, кивнул дяде Биллу и стал разглядывать меня. Я стояла молча с улыбкой пластмассовой куклы на губах и немигающими глазами смотрела на него.

Джордж был в отливающих золотом тапочках и джемпере, что придавало ему сходство с Мистером Роджерсом из детской телевизионной передачи, которую нас заставляли смотреть. Джордж Абрамян показался мне вполне нормальным дядечкой, не представляющим непосредственной угрозы.

Мои длинные светлые волосы волнами сбегали вниз по голубому платью, делая меня похожей на Алису из "Страны чудес".

– Она восхитительна, – похвалил меня Джордж. Затем указал на дядю Билла и сказал:

– Билл мой помощник, я его начальник. Я – главный жрец всей общины, а он выполняет мои поручения.

– Знаю, сэр, – сказала я.

Джордж опять посмотрел на меня и спросил:

– Дядя Билл не обижает тебя?

– Нет, – ответила я.

– Как можно?! – подтвердил Билл.

– Хорошо! Распоряжение от него – это как приказ от меня, – подражая голосовой манере Мистера Роджерса, сказал Джордж. – Иди сюда, красавица.

Я подошла к нему вплотную. Абрамян, похоже, угадал мои мысли про персонаж телевизионной передачи и спросил:

– Ты смотришь "Город Мистера Роджерса"?

– Да, сэр, – ответила я.

– Вот я, вроде как Мистер Роджерс, который заставляет своих марионеток двигаться и говорить. Только у меня – живые люди. Куклы мои – это люди. В вашем городке у меня есть свой Король – Билл, прямо как у Мистера Роджерса. Я дергаю за ниточки, – Джордж изобразил движения рук кукловода, – они выполняют мои действия, и мы создаем всевозможные захватывающие приключения. У меня есть ниточки для каждого. В том числе и для тебя.

Я с интересом смотрела на него своими голубыми глазами.

Джордж встал и взял меня за руку:

– Пойдем, я покажу тебе мой Город.

Сумасшедший дискомфорт

Он отвел меня в спальню и включил видео на огромном телевизионном экране. Я подумала, что будет что-то в стиле Мистера Роджерса или диснеевские мультики, но на экране появились кадры шествия, которое возглавлял Джордж. Множество людей шли за ним, а потом был митинг на площади большого города. И все люди приветствовали его. Такие кадры сменились изображением дворца с множеством колонн и резными стенами.

– Это мой дом, – сказал Джордж.

И вдруг пошли кадры, где голая девушка делала Джорджу минет. Я в испуге отшатнулась.

– Ну, что ты? – спросил Джордж, – что естественно, то не безобразно. Я знаю, ты уже занималась этим с Биллом. Давай, красавица, закрепим твой навык! Встань на колени...

Меня рефлекторно затошнило. К горлу подступил ком, а из глаз хлынули слезы.

– Нет, прошу, не надо! – взмолилась я.

Но договорить не успела. Джордж подскочил ко мне, сорвал с меня платье и опустил на колени. Звук молнии ширинки на несколько секунд лишил меня чувств. Член Джорджа оказался перед моим лицом, дерзко уперся в губы, пульсируя и содрогаясь в нетерпении овладеть моим бедным ротиком.

Я попыталась отстраниться, но Джордж жестко дернул за волосы, удерживая мою голову в удобном для него положении.

– Пожалуйста, не надо... – снова взмолилась я, еще надеясь на пощаду.

Но получила грубый шлепок по лицу.

– Привыкай, деточка, привыкай! – повелительно сказал Джордж. – Скоро это станет привычным для тебя делом, и ты не будешь так сильно бояться. Скажи спасибо, что пока мы не занимаемся с тобой настоящим сексом. Но это у тебя впереди. Билл говорил, что твое предназначение давать радость мужчинам? Вот и не сопротивляйся, терпи и будь покорной.

Что я, слабый ребенок, могла сделать? Пришлось смириться, осознав полную бесполезность что-то просить или сопротивляться.

И я покорно подчинилась, опустившись на дрожащие колени, сдерживая жгучие слезы и подступающую к горлу рвоту.

– Вот и хорошо! – сказал Джордж. – Ты должна быть послушной!

И он грубо вонзился в мой рот, одной рукой надавливая на скулы, другой держал за волосы. Я ощутила противный вкус мужской плоти, горячей, огромной, пульсирующей, скользкой в моем горле, с каждым толчком, проникающей все глубже и глубже...

Испытывая сумасшедший дискомфорт, я задыхалась, ревела, меня наполнял страх, я захлебывалась собственной рвотой и отчаянно пыталась вдохнуть воздух.

Наконец, Джордж отреагировал, освободил мой рот, но вместо того, чтобы отпустить меня, он плеснул в лицо стакан холодной воды, потребовал вытереть рот, прекратить истерику и задержать дыхание во время процесса. Я была потрясена! Когда вода попала на лицо, поняла: Джордж не остановится и нужно терпеть. Конечно, я догадывалась, что мужчина совершает аморальные действия. Но Джордж был нашим гуру и меня привел к нему дядя Билл, который велел не сопротивляться...

Я перевела взор в потолок, меня бросало то в жар, то в холод. И едва хватало сил не свалиться в обморок. При этом самопроизвольно произошло расщепление моей личности. Основная часть словно отключилась. И будто кто-то другой в моем юном теле, более опытный и искушенный, беспрекословно, без истерик орально удовлетворял Джорджа.

– Хорошая деточка, – сказал гуру, закончив процесс.

Я утерлась брошенным полотенцем. И еле-еле, на подкашивающихся ногах, пошла с ним. Опустошенная, я не понимала, что могло быть еще хуже. Но в тот раз, обошлось без «настоящего» секса...

Джордж вывел меня обратно в гостиную, где дожидался дядя Билл. И обнял на глазах у попечителя.

– Хорошая деточка, – вновь повторил гуру. – Только не опытная пока.

Прежде, чем отпустить нас, Джордж рассказал Биллу историю о том, как он недавно лишил девственности маленькую девочку. И спросил, почему Билл не сделал то же самое со мной, прежде, чем кто-либо другой не опередит его. Дядя Билл улыбнулся и ответил:

– Всеу свое время! Не стоит пока ломать психику этому подростку.

Они начали давать мне инструкции: никому ничего не рассказывать! А меня не покидало паническое чувство страха и брезгливости от того, что пришлось испытать.

Билл отвел меня назад на площадь. Ребята из скаутского отряда не разошлись после парада, они дожидались меня, чтобы расспросить о встрече с нашим главным гуру.

Когда мы с Биллом подошли, было видно, что подростки восхищаются мной – ведь дядя Билл взял меня с собой к самому Абрамяну! Они собрались вокруг, желая послушать мой рассказ. Я торопливо объяснила, что дядя Билл брал меня на "молочный коктейль" с дядей Джорджем, который расспрашивал о школе. От того, что пришлось покрывать перед отрядом такого жуткого извращенца, было еще противней. Не выходил из головы также рассказ педофила о том, как он поступил с маленькой девочкой.

Воспоминание о первой встрече с Абрамяном отделилось от основной памяти в моем уме. Так же произошло и в следующий раз. Через несколько месяцев мы со скаутским отрядом поехали на экскурсию в столицу штата Мичиган. С нами отправился и дядя Билл. Но вместо экскурсии, Билл отвез меня в резиденцию Абрамяна в этом городе.

Я тихо и покорно стояла за дверью, ожидая охранника, который осмотрел нас на предмет безопасности и провел по коридору к массивной двери в спальню, которая выглядела шикарно. Высокие, более четырех метров, потолки, большая хрустальная люстра с множеством звеньев, отделанные светлой плиткой стены, огромная кровать...

Когда в спальню вошел Абрамян, я невольно застонала:

– Не-е-т, только не надо опять...

Этот человек оставил во мне подсознательный страх, который был усилен рассказом о лишении девочки девственности.

Дядя Джордж сделал мне знак рукой, чтобы я помалкивала и подчинялась.

– И-иди с-сюда, – сказал он почему-то заплетающимся языком.

Манера поведения Джорджа, грубые, как высеченные из камня, черты лица, его заплетаящаяся речь делали мужчину очень похожим на Страшилу из «Страны Оз», а не на гуру, руководителя крупнейшей секты. Его большие глаза серого цвета уставились на меня.

Билл подталкивал меня, но я не могла сдвинуться в сторону Абрамяна. Тогда он сам подошел ко мне, задрал юбку, стянул трусики и поместил меня на стол, чтобы внимательно осмотреть. Видимо, ему нравилось осматривать голых девочек.

Потом он вставил в мою прямую кишку американский флажок и под смех дяди Билла попросил "помахать" им. Я находилась в шоке и подчинилась.

– Пока этого достаточно, – сказал Абрамян, – Теперь мы обменяемся с ней энергией.

– Она еще девственница, – напомнил Билл.

– Тем лучше, – сказал Абрамян, – продолжу знакомство с анала.

– Не думаю, что это хорошее решение, – попытался возразить Билл.

– Слишком много рвоты было в прошлый раз, – сказал Джордж. – Ей нужно будет пройти обучение. А сейчас, мне требуется подросток для тонуса. Подожди, Билл, лучше за дверь.

Дядя Билл вышел, а Абрамян начал раздеваться. Его белая кожа выглядела еще более бледной на фоне декора спальни. Я же по-прежнему находилась в ступоре и потеряла способность сопротивляться.

Джордж вытащил свой огромный член и осуществил задуманное, не обращая внимания на мою боль, крики, мольбы о пощаде...

Конечно, было невыносимо плохо после общения с Джорджем Абрамяном, так же как и от каждой сексуальной встречи с ним впоследствии.

Мне требовался врач, но Билл запретил вызывать его. От боли сложно было пошевелиться. Особенно сильная боль ощущалась в почках и прямой кишке. Все это сопровождалось кровотечением, поднялась температура. Рвота и головные боли держались пару дней.

Кровотечение из прямой кишки было следствием извращенных действий Джорджа Абрамяна. Я слышала потом много раз, что он занимается откровенным сексуальным насилием над девочками. И использует свои крутые связи, чтобы не быть привлеченным к ответственности. Правоохранительная система США, оказывается, весьма избирательна.

Впрочем, лично я никому на насилие со стороны взрослых не жаловалась. Хотя, психологические последствия изнасилования нашим гуру, были весьма тяжелыми. В дальнейшем, Абрамян дополнительно усиливал их, травмируя мой ум с помощью сложного электронного оборудования НАСА и наркотиков. Абрамян и дядя Билл навязали мне представление "мы будем следить за тобой", чтобы еще больше укрепить мое ощущение беспомощности.

Систематические надругательства и травмы, которые я пережила в детстве, поменяли мое поведение, мою судьбу.

А в тот раз, дядя Билл успокаивал меня как мог. Он подарил мне "ручку Кеннеди". На ней была надпись с девизом, который будет вести меня через все мое запрограммированное существование: "Не спрашивай, что твоя страна может сделать для тебя. Спроси, что ты можешь сделать для своей страны".

Мой озабоченный опекун

Дома, слегка оправившись от боли и шока, я подумала, что смогу защитить себя от надругательств, если обращусь непосредственно к Богу. Я хотела стать монахиней, мне казалось, что это обеспечит мне приемлемую жизнь, без сексуальных надругательств.

Я никому не могла пожаловаться, некому было защитить меня. Казалось, Церковь станет ответом на мои страдания, я начала разучивать молитвы и специфику жизни в монастыре. Мой опекун Билл разрешил мне исповедаться.

Католическая вера внушает идею, согласно которой человек не готов разговаривать с Богом напрямую, должен быть священник, исполняющий роль посредника. Для этого и служат исповеди.

Мне нужно было рассказать о своих грехах священнику, который передаст мое послание Богу. После чего мне скажут, сколько раз нужно прочесть молитвы "Аве Мария" и "Отче наш" в качестве покаяния или наказания.

Когда священник нашей церкви открыл маленькое окошечко в перегородке исповедальни, которая была размером со шкаф, я начала каяться:

– Прости меня, отец, ибо я согрешила...

Далее пришлось рассказать про то, что у меня было с Джорджем и дядей Биллом. Священник ответил, что я должна прочесть три раза "Аве Мария" и один раз "Отче наш", тогда буду прощена.

Я так и сделала, мне стало легче. Но на следующий день дядя Билл позвал меня для разговора. Видимо, он был в курсе того, что я говорила священнику. Билл потребовал, чтобы "отныне и всегда" на исповеди я говорила только, что послушалась моего опекуна и нашего Главу. И больше ничего!

В следующий раз я пошла на исповедь вместе с подростками нашей общины. И сказала именно так, как мне велел Билл. Однако в открытое окошечко в перегородке исповедальни между мной и священником показался... его пенис.

– Бог сказал, что твое покаяние – это услаждение меня, как духовного наставника твоего, – сказал священник. – И помни: все, что ты делаешь, ты делаешь для Бога, небесного отца нашего.

После орального секса со священником я вышла из исповедальни в весьма расстроенных чувствах. Остальные подростки были очень нетерпеливы, ожидая своей очереди. Наша наставница отругала меня за то, что я исповедовалась так долго, и в наказание, велела прочесть дополнительно несколько раз "Отче наш".

С того дня я оставила свою идею стать монахиней. Я думала: либо эта исповедь была обманом, либо Бог попустительствует сексуальному насилию над невинными.

Если бы школьные учителя умели распознавать признаки надругательства над детьми, то мое молчаливое поведение, моя нелюдимость и погружение в себя, были бы поняты ими, как крик о помощи. Но на мою мечтательность, намеки на беспомощность и сексуальность в рисунках, никто не реагировал.

Я продолжала поддерживать иллюзию нормальной жизни, хорошо училась благодаря прекрасной памяти. Но у меня по-прежнему, не было друзей, я испытывала трудности в общении со сверстниками и затерялась в воображаемом мире из книг, которые дядя Билл велел мне читать: "Золушка", "Волшебник страны Оз", "Алиса в Стране чудес", "Остров голубых дельфинов", чуть позже истории Гарри Поттера и «Чернильные» истории – все они использовались в подготовке моей психики к тому, что скоро станет программируемым контролем над сознанием.

Особенности моего поведения, мое подавленное состояние, бросались в глаза. Но на них не хотели обращать внимание. Тем более, мой опекун был весьма уважаемым человеком.

Я имела возможность быть среди людей, когда ходила в местную библиотеку за книгами. Наша организация содержала большую библиотеку, которая как будто создана была, как центр идеологической обработки. Имелся видео зал, обязательный для посещений, и обучающие площадки для детей.

Однажды библиотекарь спросила, почему я так печальна. Я дала обычный ответ: «В книгах много печальных героев». А когда учительница спрашивала меня, почему я не общаюсь со сверстниками, я отвечала: «Ребята похожи друг на друга, а мне нравится проводить время с книжными героями». Если мне начинали задавать уточняющие вопросы, отделялась с помощью религиозных фраз, таких как: "На все воля Божья!"

Окружающие обычно принимали мои ответы за личную особенность, своего рода проявления аутизма в сочетании с моей религиозностью. И дядя Билл поддерживал эту версию.

Мое поведение обсуждалось на консультации в школе, но его причины не были точно установлены. Решили, что все связано со смертью родителей. Мне дали абсурдный совет – излить свою печаль на бумаге, а потом разорвать ее. Но печаль, вызванная тяжелыми сексуальными надругательствами, не могла быть снята такими упрощенными средствами. Опекун же запретил мне проявлять эмоции, и я старалась соблюдать этот запрет.

И все же особенности моего поведения побудили моих кураторов перевести меня из обычной светской местной школы в католическую, церковно-приходскую. Где на мои отклонения от нормы не будут обращать внимания.

Джордж Абрамян поручил опекуну отправить меня в школу Католического центра в соседнем городе. Эта школа находилась в ведении Абрамяна.

К тому времени, когда я перешла в Католический центр, группы среди учеников старших классов уже сформировались. Я вписалась в сообщество "странных" детей, которые были близки мне тем, что тоже подверглись насилию. Мы находились под контролем, нас держали в состоянии транса и программировали во время школьных занятий.

На обязательных религиозных уроках всех учеников готовили к исповеди перед отцом Вебером, ректором нашей школы. В тот день, когда сестра-попечительница велела нам идти на исповедь, я отказалась это делать. Потому что испытывала сильный страх, опасаясь, что меня опять подвергнут сексуальному насилию на исповеди, пока мои сверстники стоят в очереди за дверью исповедальни.

Но сестра объявила, что я сатанистка и попаду в ад. Меня, однако, не сильно это беспокоило. Я уже не видела большой разницы между Католицизмом и Сатанизмом. И у меня не было больше желания придерживаться католических принципов. Мои иллюзии развеял тогда священник, подвергший меня насилию и такому опустошению, которое продолжительное время, буквально вынуждало «сходить с ума».

Год учебы в выпускном классе я провела словно в трансе и все больше отдалялась от религиозных ценностей. Однако, пребывание в Католическом центре увеличило мою выносливость. Как мне было приказано дядей Биллом, я записалась в команду по легкой атлетике. Католический центр являлся лучшей школой в штате по подготовке легкоатлетов за счет того, что здесь использовалась техника контроля над сознанием для спортсменов с целью приведения их к наилучшим результатам.

Девушки и парни собрались после школы на тренировки. В основном у нас проводились забеги. Я часто бегала в паре с парнем, его звали Джон, он учился в выпускном классе соседней обычной школы и был лучшим в забеге на милю среди юношей штата.

С возрастом я становилась все привлекательнее, на меня стали обращать внимание мальчики. А Джон предложил мне совместные тренировки. Вместе мы учились держать дыхание во

время пробежек и наращивать темп от тренировки к тренировке. Мы бегали в быстром темпе, я старалась не отставать от парня, иногда он подстраивался под мой темп, иногда опережал и потом поджидал в условленном месте, чтобы вместе вернуться назад.

Мои тренировки по развитию физической выносливости оказались успешными. Джону нравилось бегать со мной, как и мне с ним. Мне льстило его внимание, мне нравился этот парень, который был старше всего на год.

Как-то раз, сразу после забега, Джон сказал, что хочет меня поцеловать. Это было неожиданно. Я никогда раньше не целовалась. Поцелуи в нашей Борисье не были в почете, а дядя Билл использовал меня, без поцелуев. Целующихся людей я видела только в кино. Мне вовсе не хотелось целоваться, но Джон так просил об этом, что неудобно было отказать.

Я вообще не умела отказывать. В самом деле, что мне трудно дать себя поцеловать этому красивому спортсмену?!

Меня воспитали послушной девочкой. И постоянно внушали, что следует вести себя так, как говорят другие, более умные и опытные люди, потому что так будет лучше для всех.

Я росла доброй и покладистой. В любой ситуации в точности делала то, что от меня требовали. Если ребята просили чем-то помочь – всегда помогала. В классе я решала контрольные за себя и соседку по парте, а одноклассникам давала списывать домашние задания. Если по правде, то одноклассники даже не спрашивали моего разрешения списать, а просто брали тетрадки и списывали. Ну и что? Мне было не жалко.

Вот и Джону, я не смогла отказать. А он рассказал о наших поцелуях своим друзьям, и после следующей тренировки они отвели меня в подъезд ближайшего дома и там впятером по очереди целовали и трогали меня за интимные места. Я понимала, что это неправильно, мне было стыдно, но отказать им я не могла: ведь парням, так хотелось пощупать меня, в конце концов, я потерплю, не развалюсь, мне было нетрудно сделать им приятное. Там более, они не причиняли боли, как это делал Абрамян во время своих надругательств.

Не смогла отказать

Абрамяну было под шестьдесят, а эти ребята казались мне вполне симпатичными. Где-то в глубине души, я была даже довольна, что сумела доставить им удовольствие.

Уже на следующей тренировке Джон решил изменить наш привычный маршрут. Мы бежали по лесной тропинке, но возле хозяйственного сарайчика недалеко от сторожки лесника Джон вдруг резко остановился и почти приказным тоном сказал:

– Пошли! У меня есть ключ.

Он кивком головы указал мне на дверь в сарай. Немного я медлила, но затем, ощущая дрожь в коленях, проследовала за ним.

Мне совсем не хотелось остаться с парнем один на один. Но я не могла, не умела отказать. В конце концов, Джон хорошо ко мне относился, может, он просто поцелует и отпустит меня...

Джон отпер дверь, я в нерешительности остановилась рядом. Он посмотрел мне в глаза. В них отражался безумный огонь страсти, я это сразу поняла, хотя еще и не имела сексуального опыта с парнями.

– Не бойся, никто не узнает, я никому не расскажу, – сказал Джон, в нетерпении переминаясь с ноги на ногу.

Я прошла в сарай. А он запер на щеколду дверь изнутри. В сильном волнении я оказалась один на один с возбужденным пацаном. Сердце бешено колотилось, мне не хватало воздуха, я с трудом дышала.

Внутри маленького тесного помещения было темно, Джон не включил свет. Даже не знаю, был ли там свет вообще. И окон не было. Я ничего не видела – только чувствовала, как Джон буквально вжал меня в стену всем весом своего мощного тела, а его пальца оказались у меня в трусиках.

– Может, не надо? – неуверенно спросила я. – Выпусти меня, пожалуйста, мне нечем дышать! Пойдем лучше, закончим тренировку.

Джон хихикнул, у него были свои планы на этот вечер.

– Не волнуйся, я все сделаю как надо, – прошептал парень в нескольких сантиметрах от моих губ, однако руку из трусиков вытащил. Я хотела что-то сказать еще, но он поцеловал меня в щеку, обнял за талию, прижал к себе. Его губы накрыли мои. Внизу живота все напряглось от новых необычных ощущений. Это было хоть волнительно и напряженно, но приятно, аж до мурашек на коже.

После легкого поцелуя губы Джона отпустили мои и стали блуждать у меня по шее и плечам, заставляя ежиться и вздыхать, сердце по-прежнему, суматошно колотилось в груди, щеки пылали. От неторопливой, томной ласки по телу прошла теплая волна, колени задрожали, а между ног стало горячо.

А Джон стащил с меня трусики, они соскользнули по ногам на пол, открывая парню новые просторы. Я не протестовала.

– Давай, платье сбрось, – томно шепнул Джон мне в ухо.

Я повиновалась, внутри все дрожало от неясного предвкушения и его приятного сексуального голоса.

Пальцы Джона легко, едва касаясь, провели вдоль позвоночника до самой поясницы, обвели ямочки, невесомо прошли по ягодицам. Меня никогда так не ласкали! Я мягко прижалась к парню. Но он вдруг нагнул меня, я облокотилась, похоже, на стол, стоявший рядом. Ноги ослабли, колени тряслись, воздуха едва хватало.

А Джон мягко раздвинул мои ягодицы, зачем-то осторожно подул на влажную кожу промежности, отчего по мне пробежала волна колких мурашек, затем потряс попку, сдвинул ягодицы и губами прошелся по ним легкими поцелуями.

Я замерла и вдруг ощутила его твердый ствол у себя на попке, он водил им по ягодицам. Соски мои затвердели от неожиданно вспыхнувшего желания. Никогда не думала, что свидание со сверстником может быть таким волнительным. Я вообще раньше не думала о парнях. А тут такие яркие, непривычные переживания!

Я инстинктивно почти легла на стол, но Джон почему-то отстранился, его рука обвилась вокруг моей талии, он приподнял меня и развернул к себе лицом, приблизился и накрыл горячим поцелуем, обжигающим, с нежным посасыванием и аккуратным покусыванием.

Я едва не задыхалась от эмоций, мои руки обвили его шею, а голые груди бесстыдно терлись о его грудь.

Со мной такое было в первый раз, я действовала инстинктивно, в то же время старалась запомнить все, что происходило и подстроиться под действия Джона. А он целовал меня, долго и упоительно сладко. Затем своим возбужденным стволом медленно водил по моим бедрам, лобку и стреляющему болезненными вспышками удовольствия клитору.

Я не сопротивлялась, наоборот, ждала продолжения. Оно не замедлило последовать...

Уставшие от ласк и возбуждения, мы выбрались из сарая, когда вечер уже плавно накрыл землю легкими сумерками. Довольные, мы бросились назад к спортзалу, где были наши вещи.

Я долго не могла уснуть ночью, вспоминая и вновь переживая эмоции нашей встречи, а днем с волнением и нетерпением ожидала очередной тренировки. Мое зародившееся чувство первой несмелой любви влекло меня к этому мальчику, меня тянуло к нему. Но Джон на тренировку не пришел.

Он, по-видимому, все же успел рассказать о своем вчерашнем подвиге, я ощущала на себе любопытные взгляды его приятелей, которые отпускали похотливые шуточки в мой адрес. Но самое ужасное было в том, что о нашей интимной встрече узнал и мой опекун, дядя Билл.

Я жила в маленькой комнатке в общежитии при школе. Билл постоянно навещал меня. Привозил продукты, иногда необходимые вещи. Он выполнял свои обязанности опекуна и пока не требовал от меня оральных или иных сексуальных действий.

На этот раз опекун приехал и сразу сообщил, что он "в курсе того, что произошло между мной и пацаном". Билл сказал, что знает, что мне нужно, чтобы вернуть меня "обратно на путь истинный".

Он запретил мне встречаться с Джоном и посещать спортивную секцию. Велел сестре-попечительнице проследить, чтобы я не ослушалась его.

Я очень удивилась его осведомленности, но как обычно, возражать не стала. Дядя Билл напомнил, что моя жизнь "предопределена", и все, что мне остается, «следовать по дороге, которая простиралась передо мной. Дороге из желтого кирпича". Опекун часто пользовался цитатами из сказки "Волшебник страны Оз".

Билл сказал, что я должна совершенствовать свои навыки, а он будет мне в этом помогать. Опекун рассказал, что наша Борисья, наш культ имеет тщательно организованную иерархию рабочих мест. Как и любой большой организации, чтобы работать бесперебойно, Ордену нужны люди, которые хорошо обучены своей работе, так, что смогут выполнять задачи, даже не задумываясь над ними.

Чтобы поддерживать секретность, культовый Орден Просветленных должен иметь людей, полностью посвятивших себя ему и готовых скрывать свою роль в культе даже под угрозой наказания или смерти. Культур нужны люди, полностью лояльные к нему и его принципам, никогда не сомневающиеся над приказами, которые им отдают.

Все дети культа проходят через начальное обучение, за всеми наблюдают и определяют предрасположенности, способности и амбиции. Когда дети взрослеют, они начинают специализироваться в одной какой-то области, иногда в двух.

Например, есть люди, которые научены с фотографической точностью запоминать детали событий и бесед, точное содержание разговоров или документов. Они используются для сбора информации.

Есть те, кто жестоко наказывает членов культа, замеченных в нарушении правил или в действиях за пределами их полномочий. Наказание может быть очень жестким, иногда публичным, в зависимости от тяжести нарушения.

– Знай это, – велел дядя Билл, – и больше не проявляй самостоятельности, не общайся без нашего позволения с людьми со стороны. Помни, каждая местная группа имеет несколько карателей и следящих, которые присматривают за нашими братьями и сестрами и докладывают мне или своим жрецам. Запомни: мы создаем свою Борисью, для этого контролируем тебя и других наших членов. Нам точно известно твое предназначение. И мы направим тебя в нужное русло.

Я постеснялась сразу спросить, какое это будет русло, ожидая услышать ответ от Билла. И он продолжил:

– На первый раз мы не будем жестко карать тебя за связь с посторонним. Отделаешься лишь легким наказанием. Но больше не подходи к чужим и готовься выполнять свою роль в культе! Культ не тратится на то, чтобы заставлять людей делать не свойственные им обязанности. Ты выбрана для того, чтобы доставлять удовольствие мужчинам. Но только при нашем одобрении! Твое предназначение в этой жизни – нести радость людям.

Дядя Билл сказал еще о том, что вскоре мне предстоит обучение в Школе обаяния. И велел, в виде наказания за проступок с парнем, раздеться догола и танцевать перед ним. У меня не было другого выбора, кроме как подчиниться и на этот раз.

Нужно потерпеть

Видимо, я неплохо танцевала. Биллу понравилось, потом он часто заставлял меня танцевать голой и исполнять стриптиз. Обычно, это заканчивалось сексом.

Вот и в тот раз, Билл не ограничился только просмотром танца. Он скинул свои штаны, наказал меня орально так, как он это делал и раньше, затем решил наставлять меня с помощью традиционного секса.

С Биллом были совсем другие эмоции, не то, что с Джоном. Я едва сдерживала рвотные рефлексы. Его задница, покрытая густыми черными волосами, была мне противна. Он не ласкал и не целовал меня. Делал все грубо. Но я была его хорошо воспитанной послушной девочкой. А потому терпела. Да и слова о карателях напугали меня. «Лучше потерпеть, – думала я, – чем потом иметь неприятности».

Удовлетворив свою похоть, дядя Билл уехал, однако потом он приезжал еще несколько раз, и «наставлял» меня, таким же образом.

Однажды, перед окончанием церковной школы, он приехал и сказал:

– Я договорился о твоём дальнейшем обучении в Школе обаяния. Но прежде, мы с тобой съездим в путешествие. Погуляем по горам и встретимся с очень важным человеком.

– Опять с дядей Джорджем? – напугалась я.

– Нет, но от него зависит благополучие нашей Борисы.

Дядя Билл достал свой новенький планшет. В то время, они еще не были так распространены, как сейчас. Я впервые видела картинку на таком устройстве, как в телевизоре. Билл показал мне фотографии и видео горного ущелья, в котором за высоким забором, был спрятан причудливый дворец, выдержанный в желтых тонах. Рядом струилась быстрая речка.

– В такой реке хорошо смывается негатив, накопившейся в твоём мозгу, – сказал Билл.

Он велел мне проделать для него акт оральных ласк, после чего назначил дату поездки. Билл пообещал, что эта поездка окажется более интересной и запоминающейся, по сравнению с путешествиями к реке Белой и на Ниагарский водопад, куда возил меня отчим.

Я не удивилась и не обрадовалась. Скорее, у меня возникли опасения, что Билл задумал использовать меня в сексуальном плане. Он имел контроль над моей личностью и уже доставлял меня для удовлетворения педофильских запросов Абрамяна.

Я все же спросила опять: там точно не будет дяди Джорджа? Билл улыбнулся и сказал, что я ничего не должна бояться. А для воспитания во мне силы воли, он отведет меня ночью на кладбище.

Поздним вечером Билл зашел за мной в сопровождении Криса, своего приятеля, работавшего в нашей школе охранником. Они велели выпить какой-то напиток и взяли меня с собой "на экскурсию" по кладбищу.

Крис вел нас между надгробий, освещая дорогу фонариком, пока мы не наткнулись на спавшего на земле бездомного пса. Он проснулся, завилял хвостом, приветствуя людей.

Дядя Билл приказал мне поцеловать собаку в морду. Пес вдруг поджал хвост и убежал. Приятели захохотали.

– Что же ты так не понравилась собаке? – спросил веселый Крис. – Она даже не помахала тебе хвостом на прощанье!

Пьяный Билл попытался внушить Крису мысль о сексе со мной. Он рассказал о своем опыте, и что ему нравятся совсем молодые и невинные. Крис ответил, что у него еще не было секса с подростками. Но на кладбище, он сексом заниматься не будет.

Оба приятеля были возбуждены от алкоголя и предвкушения. Крис вывел нас за ограду кладбища и привел к небольшому дачному домику.

– Это моя летняя резиденция, – сообщил он.

Дом казался заброшенным. Здесь не было даже света. Крис зажег свечи. Меня, в шоковом состоянии, уложили на стол и поочередно подвергли изнасилованию.

Утром следующего дня, я проснулась на диване Криса, со смутным воспоминанием о каком-то "ночном кошмаре". Когда я встала, то потеряла сознание из-за кровотечения из влагалища. Мужчин не было, но Крис вскоре пришел. Он помог мне собраться и проводил домой, в комнатку при общежитии. Я находилась в неустойчивом психическом состоянии и плохо помнила, что случилось со мной накануне.

Появившийся дядя Билл напомнил о предстоящем путешествии, а также о том, что мне скоро исполнится девятнадцать и я должна буду пройти курс обучения в Школе обаяния. В этом мое "предопределение".

Разрушительные для психики надругательства, перенесенные во времянке Криса, были предвестником нового этапа моего мучительного существования, на который направлял меня опекун.

Несмотря на проблемы с психикой я была способна воспринимать красоту окружающей природы. Горное ущелье поразило меня своим великолепием.

Здесь находилась резиденция губернатора штата. На здании висели американские флаги. Когда мы прибыли, дядя Билл сказал:

– Расчеши волосы и поправь платье, сейчас ты познакомишься с очень важным человеком.

– В доме с такими флагами точно живет кто-то очень важный, – подтвердила я, поправляя и разглаживая складки на платье.

– Он мой друг, – ответил дядя Билл, – будь с ним вежлива и ласкова. Он любит хорошо воспитанных девушек.

Мы прошли наверх по ступенькам особняка. У дверей нас встретил охранник, который отвел меня в тускло освещенную комнату с опущенными шторами. За столиком возле кровати сидел мужчина средних лет в смокинге, наброшенном на голое тело. Это показалось мне забавным. Мужчина смотрел на меня изучающим взглядом.

– Мне нравится ваша резиденция, – стараясь показать свою вежливость, сказала я.

– Тебя еще никто не научил здороваться со старшими? – мягким голосом спросил мужчина.

Действительно, от волнения я забыла поздороваться. Пришлось извиниться и исправить свою ошибку. Мужчина встал и закрыл за мной дверь.

– Дядя Билл сказал, что вы самый главный человек в этом штате, – повторила я слова попечителя. – Это правда?

Губернатор недоуменно посмотрел на меня:

– Это не имеет значения, – сказал он. – Важно тебе закрыть рот, остановить свой ум и войти в транс. Молчание – добродетель. Слушай тишину в молчании своего ума. Иди глубоко внутрь твоего ума... Медленно... Все глубже и глубже, туда, где тихо и спокойно...

Губернатор манипулировал моим разумом с помощью утонченного гипнотического языка. Он не только дал установку на молчание о тех сексуальных извращениях, которым со мной предавался, но и переключил меня в измененное состояние сознания, своего рода запрограммированный транс, когда я слепо выполняла все команды этого мужчины.

Его поведение заставляет предположить, что губернатор знал все обо всем, что творится в секте, и о тех надругательствах, которым подвергал меня Билл. Он и заказал жрецу молоденькую красивую девушку для удовлетворения своей похоти.

Не буду описывать то, что делал со мной губернатор. Скажу только, что в арсенале измененных ко мне извращений добавилась игра на тему "Моча-Воздух", когда этот высокопоставленный мужик писал мне в рот и зажимал нос, чтобы я глотала мочу.

В состоянии транса я не имела возможности сопротивляться и возражать. Такую разновидность извращений губернатор использовал и при следующих встречах со мной.

Если бы я была способна нормально соображать, то сильно боялась бы губернатора. Осторожные, медленные движения прикрывали звериную страсть его тела, а его ровный гипнотический голос проникал в мой ум и давал ход направлению моих мыслей.

Школа обаяния

Я благополучно окончила школу Католического центра. Но мое "настоящее образование", по мнению опекуна, должно было проходить через программирование вне школы.

После того как опекун задал основы моего сексуального опыта, для совершенствования навыков, он отвез меня в штат Огайо для прохождения специальных тренингов в адском месте под названием Школа обаяния.

Там одновременно «обучали», готовили стать проститутками высокого класса, травмировали и программировали нескольких девушек. Я знаю некоторых, прошедших через Школу обаяния, немногие из них живы сейчас и восстановлены настолько, чтобы рассказать об этом.

Школа находилась в ведении знакомого мне губернатора, который приезжал сюда, как в публичный дом. Часто бывал в этом заведении и местный шериф. Так что ни о каком правосудии не могло быть речи.

Заведовала заведением вульгарная дама лет пятидесяти по имени Хиллари Фокс. Красивой ее, толстую брюнетку с многочисленными татуировками и отвисшей грудью пятого размера, назвать было трудно. Но в прошлом дамы скрывался богатый опыт на ниве секс-услуг. Теперь она преподавала и вела тренинги, постоянно утверждая, что «нынешняя молодежь ничего не умеет и не может доставить настоящее удовольствие мужчине».

Меня поселили в маленькую комнатку, всего примерно пяти квадратных метров. В ней была только тумбочка и кровать. В этом заведении девушки жили отдельно друг от друга в малюсеньких комнатках, а персонал и преподаватели следили, чтобы мы не общались друг с другом. Среди нас преобладали блондинки и не было ни одной афроамериканки.

На первом занятии Хиллари разложила на столике перед нами, десятью девушками-ученицами, латексные фаллоимитаторы разных размеров, презервативы и баночки со смазкой.

– Итак, красавицы, – начала дама, выпятив грудь, – этот тренинг научит вас правильно обращаться с мужским достоинством. Вы овладеете многими техниками возбуждения и прелюдий, узнаете все про эрогенные зоны мужчины. Я покажу вам разные способы соблазнения и удовлетворения. Мы изучим и женские эрогенные зоны. В процессе обучения научимся всем видам секса, фистингу и другим нетрадиционным практикам.

Занятия по танцам и лесбийским играм будет проводить моя подруга. Сексуальную практику пройдете со специально подобранными профессиональными актерами фильмов для взрослых. Вопросов нет? Сейчас все разденетесь, учитесь не стесняться находиться голыми на людях.

Я не раздевалась еще при таком скоплении народа. Сделать это было весьма стеснительно. Но вместе с другими девушками пришлось снять с себя всю одежду. Преподавательница так и осталась в лифчике и юбке. Она подождала, пока мы разденемся, и продолжила:

– Перед вами на столе лежит учебный материал, девки, покажите, что вы уже умеете. Каждая из вас будет выходить по очереди. Продемонстрируйте минет и введение дилдо в вагину.

Первой к столику вышла девушка по имени Рей. Похоже, она была самой старшей и опытной из нас. Я до этого не практиковалась с фаллоимитаторами, которые здесь называли дилдо.

Рей взяла дилдо средних размеров, запихала его сначала в рот, затем в самую интимную точку тела. Видеть такое, лично мне, было противно. Я и еще две молоденьких девушки, сидели в сторонке, стараясь не смотреть на манипуляции своей, более опытной подруги.

Хиллари вдруг остановила занятие.

– Ну и молодежь! – сказала она, обращаясь к нам, – вон три девицы сидят, в угол забились, смотрят, как затравленные звери. Какое на хрен обучение, если они чуть ли не в обморок падают от одного вида безобидного дилдо?

Преподавательница подошла к моей соседке, грубо ткнула ее локтем в бок и сказала:
– А теперь ты! Покажи, что можешь!

Девушка округлила глаза и открыла рот, желая, видимо, отказаться. Но Хиллари, видя ее нерешительность, почти закричала:

– А ну, быстро! Здесь все слушают меня и выполняют мои указания незамедлительно!

Девушка, на трясущихся от страха ногах, это было весьма заметно, подошла к столу, выбрала самый маленький дилдо, натянула на него презерватив и повторила манипуляции своей более опытной сокурсницы.

– Нормально! – сказала Хиллари. – А ты боялась. Только скромную игрушку выбрала. Сделай то же самое с изделием побольше. И введи его глубже в горло. Девушка повиновалась.

Я с тревогой ждала своей очереди и вскоре обнаружила, что все взгляды устремлены на меня. Пришлось вымученно улыбнуться. Было опасение осрамиться перед всеми рвотными массажи или сделать что-нибудь не так. Но у меня все прошло нормально. К счастью, на первом занятии Хиллари не требовала вводить дилдо глубоко. Но у нас все-равно оказалась пара девушек, у которых искусственный фаллоимитатор вызвал рвоту. Им Хиллари назначила дополнительные занятия.

И все же, не обошлось без скандала. Последней к столу вышла пышногрудая брюнетка со злыми слезящимися глазами. Она взяла дилдо, повертела его в руках, но презерватив одевать на него не стала.

– Смелее, – велела Хиллари.

– Не буду! – вдруг заявила брюнетка, – Сама себя обслуживай!

Хиллари не ожидала такого от девушки в своем заведении. Было очевидно, что нас подбирали сюда, выбирая из покладистых и послушных.

– Хамка! – рявкнула Хиллари, подскочила к столу, выхватила розовый пластиковый дилдо из рук брюнетки и сильно ударила «пособием» по ее недовольной физиономии. Девушка не успела отклониться, но быстро пришла в себя, выхватила дилдо теперь уже у училки, разъяренно бросила в нее, развернулась, схватила свою одежду и выскочила из комнаты.

Вопреки ожиданиям Хиллари быстро пришла в себя, но орать не стала, а лишь недоуменно спросила:

– Кто ее хозяин?

Откуда мы знали?

– Тяжела, – сказала Хиллари. – И хамка, каких надо на Снафф отправлять. Как она попала сюда?

Хиллари кому-то позвонила по своему мобильному телефону, потребовала все уладить и убрать брюнетку из заведения. Больше мы эту девушку не видели. Кто она – так и осталось для меня загадкой.

Нам преподавательница сказала, что она такое не прощает, но занятие нужно продолжить. Хиллари взяла самый большой розовый дилдо, потрясла им перед нашими испуганными лицами, однако сняла с себя трусы, расположилась на тренировочной скамейке и показала мастер класс по использованию резинового изделия. Она даже кончила на наших глазах и, ничуть не смутившись, сказала, что на этом первый урок закончен. А завтра у нас будет урок минета с преподавателем мужчиной, после чего опять урок у нее, где она расскажет про эрогенные зоны у мужчин и у женщин, про соблазнение и про то, как доставить удовольствие партнеру.

Девственницы много чего умеют

На следующий день к нам пришел светловолосый мужчина. Красавец, лет тридцати, с приятным сочным загаром и мощными мышцами, отчетливо проступающими сквозь тонкий трикотаж его футболки. Он выгодно отличался внешним видом от вчерашней преподавательницы. Девочки с интересом смотрели на него.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.